

НѢКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

0

ВТОРОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

Въ іюльской книжкѣ «Военнаго Сборника» минувшаго года помѣщена статья: «Воспоминанія бывшаго воспитанника 2-го кадетскаго корпуса». Статья эта обнимаетъ періодъ времени съ 1823 по 1832 годъ. Авторъ кончаетъ свои воспоминанія слѣдующими строками: «можетъ быть, кто нибудь другой изъ бывшихъ воспитанниковъ 2-го корпуса, слѣдуя моему примѣру, продолжитъ рассказъ мой, наполнивъ его своими воспоминаніями, и повѣститъ, для будущей исторіи 2-го кадетскаго корпуса, какъ постепенно совершенствовались бытъ и образованіе воспитанниковъ».

Не знаю, въ какой степени предлагаемыя «Замѣтки», обнимающія періодъ времени съ конца 1837 года по 1845 годъ, могутъ послужить съ пользою составителю исторіи 2 кадетскаго корпуса, но полагаю, что онѣ не будутъ чужды нѣкотораго интереса, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, провели восемь лѣтъ въ корпусѣ.

Въ послѣднія шесть-семь лѣтъ, въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ, а въ томъ числѣ и въ кадетскихъ корпусахъ, произошло столько полезныхъ реформъ, что о многомъ, что было десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, можно сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Говорю это для того, что нѣкоторыя черты корпусной жизни, описанныя въ «Замѣткахъ», могутъ показаться невѣроятными, выдуманнами.... Счи-

таю не лишнимъ сдѣлать слѣдующую оговорку. «Замѣтки» составлены мною въ скоромъ времени по выходѣ изъ корпуса и писались не для печати, а потому, сознавая вполне многіе недостатки «Замѣтокъ» и въ особенности отсутствіе въ нихъ строгой послѣдовательности, я ручаюсь за одно ихъ достоинство—истину всего въ нихъ описаннаго.

Въ корпусъ я поступилъ въ концѣ 1837 года. Не буду распространяться о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня новою средою: впечатлѣнія эти болѣе или менѣе одинаково испытывались каждымъ воспитывавшимся въ казенномъ заведеніи: переходъ отъ домашней жизни, гдѣ все окружало ребенка любовью и заботами, въ совершенно чуждую семью, конечно, очень крутъ и всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе. Но юность скоро привыкаетъ ко всему: «стерпится, слюбится», гласитъ правдивая русская пословица.

Въ первые годы жизни моея въ корпусѣ, въ бытѣ кадетъ, въ ихъ понятіяхъ было еще много дикаго и нелѣпаго. Постараюсь, какъ могу, изобразить тогдашнее состояніе корпуса.

Начиная съ перваго общаго класса, то есть съ третьяго снизу, всѣ кадеты составляли нѣсколько отдѣльныхъ обществъ по числу классовъ; въ каждомъ обществѣ были свои законы, свои правленія. Само собою разумѣется, что все это было выдуманно самими кадетами. Одного изъ кадетъ классное общество избирало въ старшіе или, попросту, въ коноводы. Чести этой удостоивались не тѣ воспитанники, которые были старшими въ классахъ по наукамъ и поведенію, а, напротивъ, тѣ, которые отличались грубыми манерами, физической силой, лѣнностію и были нелюбимы корпуснымъ начальствомъ. Каждый классъ имѣлъ собственную казну, составлявшуюся изъ добровольныхъ приношеній кадетъ; о назначеніи этой казны будетъ сказано впоследствии.

Классное общество раздѣлялось на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Кадетъ, отличавшійся угловатыми манерами, чуждавшійся начальниковъ и, конечно, не любимый ими, часто наказываемый за грубость и геройски переносившій самыя строгія наказанія, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей и попадалъ въ общество осѣдлыхъ; напротивъ, кадетъ съ порядочными манерами, привѣтливый съ начальниками, откровенный, веселый всегда почти бывалъ презираемъ и попадалъ въ общество кочевыхъ. Такъ какъ большинство и сила были на сторонѣ осѣдлыхъ, то

каждый старался попасть въ этотъ кругъ, и часто кадетъ, на столько развитый, что понималъ всю ложность и нелѣпость такого направленія, тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, подчинялся законодателямъ вкуса. Смѣшно и жалко было видѣть, какъ иногда мальчикъ съ веселымъ характеромъ, готовый, кажется, цѣлый день бѣгать и играть, принималъ походку пожилаго человѣка, старался пригнать себѣ широкіе панталоны и неуклюжую куртку, ходилъ задумчивымъ и говорилъ басомъ.

Вообще вліяніе общества осѣдлыхъ было крайне вредно: оно препятствовало мальчику развиваться естественно, выражать свободно и хорошія и дурныя стороны своего духа; на тринадцатомъ, четырнадцатомъ году своего возраста кадетъ долженъ былъ надѣвать на себя лицемѣрную маску, подавлять откровенныя и добрыя чувства души своей и часто поступать совершенно противно своимъ убѣжденіямъ; привычка мало по малу обращалась въ натуру, и чрезъ три, четыре года воспитанникъ незамѣтно сроднялся съ ложными началами, которыя были въ оснѣ общества осѣдлыхъ.

Но классныя общества, кромѣ вреднаго вліянія на характеръ нѣкоторыхъ кадетъ, были причиною и другаго зла. Хотя общества эти и сходствовали между собою въ своихъ началахъ, но рѣзко отличались другъ отъ друга своими правами, которыя снизу вверхъ возвышались прогрессивно. Права эти состояли въ томъ, что такой-то классъ могъ по столько-то въ рядъ ходить по ротному корридору; чѣмъ старше классъ, тѣмъ больше право это увеличивалось, такъ что выпускной классъ пользовался уже неограниченной свободой; такой-то классъ могъ пѣть въ ротѣ, такой-то нѣтъ; за обѣдомъ жиромъ съ супа, лучшимъ кускомъ мяса обыкновенно пользовались кадеты старшихъ классовъ. Вотъ въ чемъ состояли права маленькихъ обществъ. Такъ какъ общества эти не имѣли каждое особой территоріи, отдѣленной одна отъ другой естественными границами, то понятно, что отъ частыхъ столкновеній нарушались иногда права, а какъ нарушеніе права считалось тяжкой обидой и оскорбленіемъ, слѣланное одному члену общества, касалось всѣхъ, то и кончались столкновенія, нерѣдко, очень серьезной ссорой, или, по кадетскому выраженію, дракой.

Обиды, требовавшія кровавой мести, заключались въ слѣдующемъ: если кадетъ младшаго класса подастъ тарелку за супомъ прежде кадета старшаго класса; если, гуляя по корридору, толк-

нетъ его какимъ нибудь образомъ, и т. п. Оскорбленный приносилъ жалобу старшему, который, на общемъ совѣщаніи класса, рѣшалъ, что обиду нельзя иначе смыть, какъ дракой. По частнымъ совѣщаніямъ, по таинственности, которую старались окружить ихъ, по сверкающимъ глазамъ, по коварнымъ улыбкамъ легко было догадаться, что замышляется что-то грозное, и классъ, къ которому принадлежалъ нанесшій оскорбленіе, приготовлялся со своей стороны къ отраженію нападенія.

Рѣдко, очень рѣдко случалось, чтобы нарушеніе класснаго права кончалось миролюбиво, не потому, чтобы въ классахъ не было тонкихъ политиковъ, или политикановъ, какъ ихъ называли, но потому, что граждане маленькихъ обществъ рады были придратъся ко всякому случаю, чтобы прославить себя геройскими подвигами и оставить свои имена въ памяти современниковъ и въ преданіи потомства. Сначала приготовлялись средства къ сраженію: вились жгуты, пріобрѣтались отвертки, которыми ударяли другъ друга во что ни попало, запасались нюхательнымъ табакомъ для ослѣпленія глазъ, и т. п. Средства, какъ видно, не совсѣмъ рыцарскія, но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отдать справедливость, что нечаянныхъ нападеній, которыя хотя сколько нибудь напоминали бы сицилійскія вечерни или варооломеевскую ночь, почти никогда не было. Заранѣе условливались о мѣстѣ битвы, старались, конечно, чтобы она совершилась какъ можно скрытнѣе, подалше отъ бдительнаго ока дежурнаго по ротѣ офицера; но—увы!—благородное желаніе это почти никогда не достигалось. Во время боя, энтузіазмъ, одушевлявшій сражавшихся, заставлялъ ихъ забывать всѣ мѣры благоразумія: шумъ, крикъ, происходившіе отъ побѣдныхъ возгласовъ и отъ боли, доносились до офицера, и, такимъ образомъ, нарушители общественнаго спокойствія дѣлались извѣстными начальству. Обыкновенно, драки сопровождались большимъ озлобленіемъ, и всѣ средства были хороши, лишь бы вели къ достиженію цѣли—къ побѣдѣ! Нерѣдко разбивали другъ другу голову, бросали одинъ въ другаго чѣмъ ни попало, даже табуреты шли въ дѣло, такъ что если бы шумъ, сопровождавшій побоище, и не дошелъ до офицера, то слѣды, оставшіеся на лицахъ, ясно свидѣтельствовали о происшедшемъ. Послѣ драки, сдѣлавшейся извѣстной начальству, начинались допросы, слѣдствіемъ которыхъ было—наказаніе нѣкоторыхъ кадетъ розгами, а нѣкоторыхъ, болѣе виновныхъ, исключали изъ корпуса.

Кромѣ дракъ между классами происходили, иногда, драки и между корпусами. Классныя драки въ сравненіи съ корпусными были ничто иное, какъ стычки; для послѣднихъ приготавлились и болѣе обширный планъ и болѣе свирѣпыя орудія: формировались застрѣльщики, обыкновенно изъ маленькихъ кадетъ, которые и вооружались камешками, пескомъ и т. п., составлялись главные силы, отдѣльные отряды,—однимъ словомъ, все приличествовало и большимъ силамъ и важности идеи, за которую слѣдовало сражаться. Впрочемъ, причины этихъ междоусобій были въ родѣ тѣхъ, которыя порождали и классныя ссоры; на примѣръ, если кадетъ 1-го корпуса называлъ кадета 2-го корпуса *деревяшкой*, то обида эта считалась кровной и должна была смыться дракой; въ такомъ случаѣ частная классная вражда прекращалась, всѣ соединялись воедино, и, какъ я уже упомянулъ, драки происходили въ обширныхъ размѣрахъ. Враждующія стороны находили себѣ даже союзниковъ въ другихъ корпусахъ: такъ 2-й корпусъ всегда имѣлъ самыхъ вѣрныхъ, неизмѣнныхъ союзниковъ въ кадетахъ Московскаго корпуса. Баталіи эти происходили въ лагеряхъ, гдѣ, по близкому расположенію корпусовъ одного возлѣ другаго, представлялось много случаевъ къ ссорамъ. Драки между корпусами кончались для кадетъ весьма печальными послѣдствіями: многихъ жестоко наказывали розгами, а нѣкоторыхъ исключали изъ корпуса въ унтеръ-офицеры и т. п. Къ счастью, драки эти происходили очень рѣдко, не по недостатку къ нимъ причинъ, а по короткости лагернаго времени и по встрѣчавшимся затрудненіямъ къ исполненію обширно задуманныхъ плановъ. Какъ ни строго преслѣдовало корпусное начальство драки, онѣ въ мое время были въ большомъ ходу: не проходило не только года, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы не было между классами какойнибудь порядочной свалки. Вѣроятно, жажда славы была сильнѣе страха наказаній. О тѣхъ кадетахъ, которые отличались въ дракѣ, товарищи говорили съ уваженіемъ; которые же показали себя робкими или трусами, тѣхъ презирали, не говорили съ ними. Какъ трудно было мальчику при существованіи подобныхъ обществъ не совратиться съ порядочнаго пути! Средины почти не было: надлежало или совершенно сродниться съ идеями законодателей моды и, такимъ образомъ, заслужить любовь ихъ, а вмѣстѣ съ нею и защиту своей личности отъ притѣсненій, что было почти несомѣстно съ расположеніемъ начальниковъ,

или открыто пренебречь ихъ правилами и поступать по внушенію собственнаго своего разсудка; но въ такомъ случаѣ кадетъ навлекалъ на себя ненависть большинства своихъ товарищей, а ненависть эта выражалась жестокииъ образомъ: его били, рвали его записки, забрасывали книги, уничтожали всякую возможность учиться. Обѣ крайности были нехороши: нужно было какъ нибудь лавировать, выбирать, такъ называемую, золотую середину, а для этого необходимо было имѣть много такта, хитрости и даже зрѣлости, чего, конечно, трудно требовать отъ четырнадцати или пятнадцатилѣтняго отрока. И сколько было искушеній сдѣлаться старымъ кадетомъ! На одной сторонѣ— сила и любовь товарищей, на другой — слабость и презрѣніе. Да, нужно было быть очень искусному коричему, чтобы пройти между двумя этими водоворотами и не попасть ни въ одинъ. Одно изъ средствъ къ этому было отлично учиться. Обыкновенно старшій въ классѣ и другіе вліятельные кадеты отличались лѣнностію и тупоуміемъ, а, между тѣмъ, имъ не хотѣлось получать нулей: какъ же помочь горю? и вотъ являлась необходимость прибѣгать къ кадетамъ съ хорошими способностями, которые должны были заниматься съ ними, т. е. вдалбливать имъ въ голову разные уроки; такимъ образомъ, отличные ученики сдѣлались необходимымъ элементомъ общества осѣдлыхъ, и старые кадеты вынуждены были смотрѣть снисходительно на несоблюденіе ими нѣкоторыхъ классныхъ правилъ.

Въ началѣ описанія жизни кадетъ 2-го кадетскаго корпуса, я упомянулъ о классныхъ суммахъ. Въ нѣкоторыхъ классахъ суммы это доходили рублей до 200 и болѣе. Классы тщеславились между собою величиною суммы: этимъ выражалась дружба, степень товарищества! Кадеты, ходившіе въ отпускъ, старались приносить съ собою нѣсколько денегъ, которыя и поступали въ общую кассу: такимъ образомъ, мало по малу составлялись весьма порядочныя суммы. Назначеніе этихъ денегъ было слѣдующее: 1) кадеты, которые за дурное поведеніе переводились въ кантонисты, или выпускались унтеръ-офицерами, обыкновенно получали вспомошествованіе изъ классной суммы; 2) воспитанники, остававшіеся въ корпусѣ на большіе праздники за наказаніе или по неимѣнію родственниковъ, устраивали на эти деньги пирушки, состоявшія въ томъ, что заказывали нѣсколько чайниковъ чаю и покупали огромное количество булокъ и сухарей. Когда все было готово, то собирались въ какую нибудь

уединенную комнату, чаще всего въ такъ называемую чистильню, и принимались истреблять все приготовленное. Обжорство, точно такъ же, какъ и физическая сила, заслуживало общее удивленіе и нѣкотораго рода уваженіе; и, дѣйствительно, нѣкоторые кадеты имѣли полное право на удивленіе, потому что выпивали по 10 кружекъ чаю и сѣдали до 100 сухарей! Наконецъ, 3) въ лагерѣ классныя деньги служили для покупки табаку и трубокъ и для угощенія себя на гуляньяхъ разными лакомствами, покупавшимися у разнощиковъ.

Какъ ни нелѣпы были эти классныя общества въ своихъ основаніяхъ и какъ ни вредны по своимъ послѣдствіямъ, но нельзя не указать на одну хорошую ихъ сторону. Между кадетами образовалась самая тѣсная дружба: каждый готовъ былъ въ огонь и въ воду за своего товарища, и эта черта характера не ограничивалась корпусными стѣнами, но переносилась въ послѣдствіи и на дѣйствительную службу. Какъ бы ни было велико время, раздѣлявшее выпускъ одного класса отъ другаго, но, пріѣзжая въ новое общество, молодой офицеръ въ бывшихъ кадетахъ 2-го корпуса всегда находилъ какое-то родственное чувство. Я самъ, пріѣхавши въ полкъ, былъ принятъ какъ родной офицерами, вышедшими изъ 2-го корпуса 6, 7 годами раньше меня; они радушно предложили мнѣ на первое время и квартиру, и столъ, и всегда готовы были помочь добрымъ совѣтомъ.

Осѣдлые кадеты увеселяли себя разными играми, но играми суровыми, сопровождавшимися иногда печальными послѣдствіями. Въ головѣ этихъ игръ слѣдуетъ поставить *чехарду*. Игра эта состояла въ слѣдующемъ: играющіе раздѣлялись на двѣ партіи, по жребію; кадеты одной партіи, представлявшіе лошадей, взявши другъ друга за талію и наклонивши верхнюю часть тѣла горизонтально, становились одинъ за другимъ; головной кадетъ упирался руками въ какойнибудь неподвижный предметъ; кадеты же другой партіи со всего разбѣгу скакали на нихъ, первый скакавшій старался сѣсть на головнаго кадета и т. д.; по занятіи ѣздоками мѣстъ, лошади начинали наклоняться въ разныя стороны, стараясь сбросить съ себя ѣздоковъ. Нѣкоторые кадеты, не будучи въ состояніи сдержать тяжелую ношу, падали на грудь, другіе надсаживали себѣ спину. Особенно дорого обходилась эта игра для кадетъ слабаго сложенія. Помню, разъ, на одного такого кадета насѣло нѣсколько человекъ: не будучи въ силахъ сдержать этотъ грузъ, онъ упалъ и передомилъ себѣ

ногу. Другая игра, подъ названіемъ *бриманка*, состояла въ слѣдующемъ: тоже составлялись двѣ партіи: одна становилась въ кружокъ и представляла лошадей, другая должна была скакать на нихъ; около лошадей становилась матка, которой обязанность состояла въ томъ, чтобы пятнать (кадетское выраженіе — тронуть) сѣдоковъ, употреблявшихъ все искусство и ловкость, чтобы не быть запятанными маткой, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ самимъ приходилось исполнять роль лошадей. Игра *въ палку мячемъ* такъ извѣстна, что я не буду ее описывать; замѣчу только, что палки обыкновенно употреблялись огромныя, чуть не въ сажень, и неловкому кадету доставалось иногда получать порядочные удары. Эту игру очень любили старые кадеты: засучить рукава, разстегнуть куртки, спустить шаровары и сильнымъ ударомъ въ мячъ забросить его чуть не за облака доставляло имъ большое наслажденіе. *Скачка черезъ табуреты*. Ставили 4, 5, 6 и болѣе табуретовъ въ одинъ рядъ и со всего разбѣгу перескакивали черезъ нихъ. Иногда это развлеченіе обходилось очень дорого для фізіономій и для груди. Для измѣренія силы (количество которой играло чрезвычайно важную роль во мнѣніи кадетъ), подымали за конецъ штыка ружья, табуреты и столы за ножки, иногда боролись и т. п. Но самая любимая игра была *«въ казаки-разбойники»*. Казаки должны были ловить разбойниковъ, которые прятались отъ нихъ и въ подвалахъ, и на чердакахъ, вездѣ, гдѣ было только возможно. Поймавши разбойника, его спрашивали: кто атаманъ? На этотъ вопросъ онъ долженъ былъ отвѣчать: «муха да комаръ»; отъ допросовъ словесныхъ переходили къ пыткамъ: били разбойника и кулаками и жгутами; но разбойникъ переносилъ побои терпѣливо: онъ твердо помнилъ, что за измѣну его еще болѣе побьютъ разбойники, его товарищи.

Изъ описанія любимыхъ игръ кадетъ видно, что всѣ они клонились къ развитію физической силы, ловкости и терпѣнія. Каково же было участвовать въ нихъ мальчикамъ съ слабой организаціей, которые видѣли дома только нѣжныя ласки маме-некъ да бабушекъ!

Кромѣ игръ, осѣдлые кадеты развлекали себя еще пѣніемъ (этой привиллегіей кочевые не имѣли права пользоваться). Самыя любимыя пѣсни были сочиненныя самими же кадетами, и, само собою разумѣется, въ нихъ доставалось офицерамъ и учителямъ: какъ тѣ, такъ и другіе представлялась врагами человеческого

рода. Кромѣ пѣсенъ этого содѣржанія, пѣлись и военныя пѣсни: «Просыпайся, солдатъ», «Что не соколы крыматы, чуя солнышка восходъ» и т. п.

Корпусное начальство не стѣсняло жизни кадетъ: имъ дозволялись грубыя игры, пѣніе; даже терпѣлись классныя общества, столь вредныя во многихъ отношеніяхъ. Въ мое время многіе изъ корпусныхъ офицеровъ были когда-то сами воспитанниками 2-го корпуса, и, можетъ быть, въ той дикой жизни кадетъ, которая проходила передъ ихъ глазами, они видѣли прогрессъ относительно прежняго времени, а потому и смотрѣли на многое снисходительно.

Одно изъ самыхъ грустныхъ явленій, порожденныхъ классными обществами, было раздѣленіе класса на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Я уже имѣлъ случай говорить, какъ жалко было положеніе кадетъ, попавшихъ въ общество кочевыхъ. Къ счастью, въ классѣ ихъ бывало немного: 9, 10 человекъ. На этихъ воспитанникахъ лежала печать какого-то отверженія; было замѣтно, что они страдали исключеніемъ своимъ изъ общества осѣдлыхъ. Если кочевой заслуживалъ расположеніе осѣдлыхъ, то они принимали его въ свое общество; въ свою очередь, и осѣдлаго, провинившагося въ чемъ нибудь серьезномъ, напримѣръ, уличеннаго въ дружескихъ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ кочевыхъ, или пожаловавшагося начальству на своего товарища, исключали изъ общества, и онъ поступалъ въ кочевые.

Такимъ образомъ, кадеты сами нашли средство наказывать и награждать своихъ товарищей. Самое жестокое наказаніе, которое налагали кадеты, состояло въ томъ, что съ воспитанникомъ, попавшимъ въ немилость, никто не разговаривалъ, и это не ограничивалось однимъ классомъ, но распространялось нерѣдко на всю роту. И Боже сохрани, если кто нибудь позволить себѣ сказать слово съ осужденнымъ на такую муку кадетомъ! Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать мальчикъ, которому всѣ выказываютъ презрѣніе, отворачиваются отъ него, который цѣлый день шатается изъ угла въ уголъ и ни съ кѣмъ не можетъ сказать слова! Иногда наказанію этому подвергались тѣ, которые оказывались виновными въ присвоеніи чужой собственности: книги, тетради и т. п., или въ какомъ нибудь другомъ предосудительномъ поступкѣ, но чаще оно падало на невинныхъ. Кадетъ, котораго ласкали начальники, нерѣдко возбуждалъ подозрѣніе товарищей, что онъ пересказы-

васть имъ все, что дѣлается въ ротѣ. Это преступленіе казалось въ глазахъ кадетъ самымъ ужаснымъ: измѣной, коварствомъ, а потому и наказаніе было соразмѣрно винѣ. Само собою разумѣется, что подозрѣнія кадетъ были неосновательны: если и можно предположить, что какой нибудь воспитанникъ, по глупости, или изъ лести, рѣшился бы на этотъ подлый поступокъ, то какой же начальникъ въ состояніи былъ бы воспользоваться имъ?

Подобными-то мѣрами старые кадеты достигали цѣли — разбединенія кадетъ съ начальниками. Тѣ воспитанники, которые и желали бы быть привѣтливыми съ офицерами, боясь возбудить подозрѣніе, удалялись отъ нихъ. Одинъ изъ самыхъ оскорбительныхъ эпитетовъ для чести кадетъ былъ названіе *лисичка*, даваемый тѣмъ воспитанникамъ, которые были вѣжливы и почтительны къ офицерамъ и учителямъ.

Кстати упомянуть о нѣкоторыхъ техническихъ словахъ, имѣвшихъ право гражданственности въ одномъ только корпусѣ и, сколько мнѣ извѣстно, не попавшихъ ни въ одинъ диксіонеръ. *Кукунька*—этимъ словомъ назывался ударъ въ голову среднимъ пальцемъ сжатого кулака; *бляха* — ударъ въ голову всею ладонью; *фарфорка*—такъ назывался совершенно особенный, оригинальный ударъ: большой палецъ упирали въ голову и потомъ, быстро скользя имъ по головѣ, опускали кулакъ, чрезъ что происходила двойная боль: отъ удара кулакомъ и скользенія пальцемъ. *Книга лети-далѣ* — съ этимъ выраженіемъ прежде всего знакомился новичекъ; на вопросъ: читалъ ли онъ книгу лети-далѣ, новичекъ, конечно, отвѣчалъ: нѣтъ; тогда предлагали ему прочитать ее и, поворотивши его лицомъ въ противоположную сторону, ударяли колѣномъ въ спину, такъ что бѣдняжка, отскочивши нѣсколько шаговъ впередъ, падалъ на полъ. Было много и другихъ техническихъ словъ, выражавшихъ болшею частію разные способы колоченія.

Желая какъ можно вѣрнѣе представить нравы кадетъ въ первые четыре года пребыванія моего въ корпусѣ, ихъ возрѣнія, симпатіи и антипатіи, я считаю нелишнимъ рассказать нѣкоторыя черты изъ жизни кадетъ, рѣзко характеризующія и умственное и нравственное ихъ развитіе.

Съ новичкомъ поступали очень грубо: начинали приучать его къ кадетской жизни тѣмъ, что подвергали разнымъ испытаніямъ, которыя не обходились безъ порядочныхъ побоевъ. На

другой, на третій день по поступленіи въ корпусъ, новичекъ походилъ на общипаннаго гуся: такой странный видъ принимало его платье отъ оборванныхъ пуговиць, фалдъ и т. п. Я былъ свидѣтелемъ одной безобразной сцены: по ротному корридолу шель возвратившійся изъ отпуска воспитанникъ, недавно поступившій въ корпусъ, впрочемъ, имѣвшій уже форму; съ воспитанникомъ шла его мать; вдругъ какой-то сорванецъ подбѣгаетъ къ нему, ударомъ кулака сбиваетъ съ него киверъ, хватаетъ лежавшіе въ немъ разные гостинцы — и былъ таковъ! Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе эта сцена должна была произвести на бѣдную мать! Бывали и такіе примѣры, что у новичка вывѣдывали, гдѣ живутъ его родные, и потомъ, отъ его имени, писали къ нимъ письмо съ просьбою прислать денегъ на книги, или на чтонибудь другое; деньги присылались, но не доходили по назначенію. Каково же должно было быть удивленіе и негодованіе родственниковъ, когда, пріѣхавши въ корпусъ, они узнавали, что родственникъ ихъ не только что не получалъ денегъ, но и не думалъ даже писать къ нимъ! Конечно, такіе прискорбные факты случались не часто, но, тѣмъ не менѣе, они свидѣлствуютъ, до какого страшнаго нравственнаго паденія могли доходить нѣкоторые воспитанники.

Если за обѣдомъ подавалось какоенибудь блюдо, нехорошо приготовленное, напримѣръ: нехорошая говядина, каша съ горькимъ масломъ и т. п., то въ залѣ подымался шумъ: стучали объ полъ скамейками; раздавались крики: «эконома на сцену!» Чтобы успокоить бурю, выходилъ Иванъ Кузмичъ (экономъ). Иногда обѣщаніе его чтонибудь прибавить къ ужину или приготовить къ завтрашнему обѣду любимое кадетами блюдо успокоивало шумъ, но случалось нерѣдко, что бѣдному и добрѣйшему Ивану Кузмичу сильно доставалось: сыпались на него разнаго рода ругательства, бросались ломти хлѣба, комки каши, и онъ, сконфуженный, поспѣшно ретировался. Когда же обѣдъ бывалъ особенно хорошъ и приходилъ въ столовую Иванъ Кузмичъ, то отовсюду слышалъ привѣтствіе: «ай да Иванъ Кузмичъ! молодець! многая лѣта Ивану Кузмичу!» и т. п. И почтенный Иванъ Кузмичъ улыбался съ самодовольнымъ видомъ. Иногда, если бывали недовольны обѣдомъ или ужиномъ, негодованіе выражалось и другимъ образомъ: размазней или киселемъ склеивали салфетки, которыя потомъ съ трудомъ приходилось расклеивать.

Баталіонный командиръ С., находя приличнымъ, чтобы кадеты послѣ обѣда кланялись старшему въ столовой залѣ начальнику, приказалъ принять это къ исполненію. Казалось бы, что обычай этотъ, какъ употребляющійся вездѣ, не долженъ былъ бы возбудить оппозиціи кадетъ. Какъ бы не такъ! Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, послѣобѣденные поклоны возбуждали всеобщій смѣхъ, такъ что нерѣдко офицеръ, къ которому относились эти поклоны, краснѣлъ до ушей.

Другое нововведеніе возбудило еще большее негодованіе: обыкновенно графины съ водой ставились на столъ безъ пробокъ; тотъ же баталіонный командиръ, находя это неблаговиднымъ, приказалъ ставить графины съ пробками, какъ это водится во всѣхъ порядочныхъ домахъ. Въ продолженіе перваго затѣвъ обѣда, ни одной пробки не осталось цѣлой: всѣ были разбиты, такъ что нужно было перемѣнить ихъ большое число, пока кадеты не привыкли смотрѣть безъ смѣха и негодованія на эту ересь.

Изъ этого описанія нравовъ и воззрѣній кадетъ можно видѣть, какъ много въ жизни ихъ было грубаго и дикаго. Сколько добрыхъ и благородныхъ наклонностей приносилось въ жертву грубымъ предразсудковъ и невѣжества! Кадетъ, отличавшійся мужицкими манерами, терпѣливо переносившій самыя жестокія наказанія, постоянно враждовавшій съ начальниками, съ нечѣпымъ и часто вреднымъ образомъ мыслей, участвовавшій во всѣхъ дракахъ и другихъ кадетскихъ затѣвахъ—вотъ былъ идеалъ большинства! Его любили и уважали товарищи, онъ былъ героемъ въ своемъ муравейникѣ. Сколько же было соблазновъ сдѣлаться подобнымъ идеаломъ, или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нему!

Сообразно такому состоянію нравовъ кадетъ, и наказанія, употреблявшіяся въ корпусѣ, были суровы и даже жестоки. Въ числѣ разныхъ исправительныхъ наказаній, розги играли первую роль. Съчь кадетъ имѣли право ротные командиры и, конечно, всѣ высшіе начальники. Розгами наказывали и за лишній нуль, и за неопрятность въ одеждѣ, и за нерадѣніе во фронтѣ. Провинившимся въ большихъ проступкахъ, какъ-то: въ грубости противъ офицеровъ или учителей, въ куреніи табаку, въ класной дракѣ и т. п., давали по сту, по двѣсти и болѣе розогъ, смотря по возрасту кадетъ. И до чего иногда доходили ожесточеніе и сила воли! Несмотря на чувствуемую жестокою боль,

нѣкоторые кадеты, во все время продолженія наказанія, лежали какъ кусокъ дерева, ни разу не вскрикивали! И за эти подвиги, выражавшіе загрубѣлость всякихъ чувствъ, кадетъ пользовался особымъ уваженіемъ товарищей. Страшно подумать, до какого заблужденія могутъ иногда доводить общественные предразсудки!

Кромѣ розогъ были въ употребленіи и другія наказанія: взрослыхъ воспитанниковъ сажали въ карцеръ—темная комната, въ родѣ чулана — гдѣ, вмѣсто кроватей, устроены были нары съ соломенными тюфяками. Иногда сажали кадетъ въ карцеръ дня на три, на четыре и болѣе, и оставляли на хлѣбѣ и на водѣ; но и это наказаніе, подобно розгамъ, не исправляло воспитанниковъ, а еще болѣе ожесточало. Менѣе взрослыхъ кадетъ оставляли безъ одного, безъ двухъ блюдовъ и вовсе безъ обѣда; но они вознаграждали себя или супомъ, если дозволялось имъ ѣсть, или хлѣбомъ, который выносили имъ отъ стола товарищи. Лишеніе права на отпускъ было самымъ употребительнымъ наказаніемъ. Иногда цѣлый классъ ослабляли безъ отпуска, такъ какъ въ случаѣ какой нибудь исторіи виноватаго рѣдко находили. Боже сохрани, если кто нибудь указывалъ на виновнаго; его били, исключали изъ общества осѣдлыхъ, называли разными оскорбительными для кадета именами и т. п. Существовали и другія наказанія: сѣрая куртка, считавшаяся самымъ позорнымъ наказаніемъ, исключеніе изъ корпуса, выпускъ въ унтеръ-офицеры, переводъ въ баталіонъ кантонистовъ.

Но, несмотря на всю суровость наказаній, они мало исправляли нравы кадетъ: корни невѣжества и предразсудковъ были такъ глубоки, что исправительныя наказанія не въ силахъ были вырвать ихъ. Вліяніе старыхъ кадетъ на умы юныхъ товарищей, классныя общества, въ которыхъ кадеты находили удовлетвореніе всѣмъ своимъ страстямъ, кадетскіе идеалы, составленные изъ всего грубаго и дикаго,—все это вмѣстѣ составляло китайскую стѣну, непроницаемую для лучей цивилизаціи. До какой степени странны и нелѣпы были симпатіи кадетъ, приведу слѣдующій примѣръ: въ первые годы жизни моей въ корпусѣ, было нѣсколько кадетъ съ кривыми, страшно изуродованными ногами. Жалко было смотрѣть на этихъ несчастныхъ, едва-едва передвигавшихъ ноги; къ обѣду, въ классы они отправлялись гораздо раньше другихъ кадетъ. И эти бѣдные воспитанники возбуждали къ себѣ не только естествен-

ное чувство состраданія, но и родъ какого-то уваженія, которое до того обаятельно дѣйствовало на кадетъ, что нѣкоторые, нарочно, разными средствами портили себѣ ноги, чтобы пріобрѣсть уваженіе товарищей и имѣть больше права на названіе стараго кадета. Вотъ до какихъ дикихъ поступковъ доводили кадетъ общественные предразсудки и ложные идеалы!

Изъ всего этого видно, до какой степени были искажены понятія воспитанниковъ, какъ ложны было ихъ симпатіи и антипатіи. Существовавшее зло исказило даже врожденныя идеи кадетъ: добро, красота и истина были вывернуты на изнанку. Я не упоминаю здѣсь о нѣкоторыхъ другихъ кадетскихъ заблужденіяхъ и порокахъ, имѣвшихъ гибельное вліяніе на ихъ здоровье и умственныя способности.

Вотъ въ какомъ состояніи находился 2-го корпусъ, когда я поступилъ въ него! И весь этотъ хаосъ, вся эта путаница понятій продолжались до 1841 года, многознаменательнаго въ исторіи корпуса. Въ этотъ годъ совершилась реформа, незамѣтно уничтожившая классныя общества, сбросившая съ пьедесталовъ дикіе кадетскіе идеалы, измѣнившая образъ мыслей, понятія кадетъ.

Но прежде нежели говорить объ этой реформѣ, необходимо, хотя въ краткихъ словахъ, представить матеріальный бытъ кадетъ, ихъ, если можно такъ выразиться, наружную жизнь и сказать нѣсколько словъ о корпусныхъ начальникахъ.

Всѣ кадеты раздѣлялись на 5 ротъ: роту Его Высочества, 1, 3, 2 и неранжированную; изъ роты въ роту переводились по лѣтамъ; самые старшіе кадеты были въ ротѣ Его Высочества, потомъ въ 1, въ 3, во 2, и самые младшіе въ неранжированной. Помѣщеніе первыхъ четырехъ ротъ было совершенно одинаковое: широкій корридоръ, по одной сторонѣ котораго были спальни, а по другой — рекреационныя залы. Рота раздѣлялась на 4 отдѣленія, кадетъ по 30 въ каждомъ; отдѣленіями завѣдывали офицеры; помощниками у нихъ были отдѣленные унтеръ-офицеры.

Помѣщеніе воспитанниковъ было очень хорошее: просторное и свѣтлое; одно только было нехорошо — холодновато. Это особенно чувствовалось въ шесть часовъ утра, когда барабанщикъ начиналъ бить повѣстку. Ухъ, какъ неприятно было вставать изъ-подъ теплаго одѣяла!

Отъ шести до семи часовъ утра кадеты мылись, одѣвались,

чистили сапоги, пуговицы и проч. Въ семь часовъ рота строилась въ 3 шеренги и по командѣ офицера: «на пра-во, скорымъ шагомъ маршъ», шла въ столовую залу — пить сбитень. По возвращеніи отъ сбитня, кадеты разбирали свои книги, просматривали уроки и минутъ за пять до восьми часовъ, такимъ же строемъ, шли въ классы. Классы продолжались отъ восьми до одиннадцати и состояли изъ двухъ уроковъ; въ перемѣну, кадетъ минутъ на десять выпускали на корпусный дворъ, что соблюдалось и зимою, даже въ большіе морозы. Въ одиннадцать часовъ кадеты приходили въ роту классами при старшихъ; получивъ на завтракъ по куску хлѣба съ солью, переодѣвались въ новыя куртки, чистились, осматривались отдѣленными офицерами и строились въ шеренги для фронтоваго ученія, которое обыкновенно продолжалось съ половины двѣнадцатаго до часу. Вообще фронтъ кадеты очень любили; выдѣлывать ружьями разные артикулы составляло для многихъ даже большое удовольствіе. Въ часъ вели кадетъ обѣдать, по окончаніи котораго роты отправлялись гулять вокругъ зданія корпуса и возвращались около половины третьяго часа; полчаса, оставшіеся до начала классовъ, кто хотѣлъ могъ употребить на приготовленіе уроковъ; вечерніе классы продолжались отъ трехъ до шести, и въ это время тоже было два урока. Въ шесть часовъ приходили въ роту и до восьми часовъ, т. е. до ужина, могли заниматься уроками, за исключеніемъ слабыхъ и лѣнивыхъ по фронту, которыхъ отъ шести до семи часовъ учили стойкѣ и маршировкѣ. Въ восемь часовъ шли ужинать и потомъ въ девять часовъ ложились спать.

Изъ этого распредѣленія часовъ дня видно, что воспитанники немного имѣли свободнаго времени для приготовленія уроковъ; кто былъ постарше и прилежнѣе, тотъ употреблялъ для этого часть ночи.

Верхняя одежда кадетъ состояла изъ мундирной пары, которая надѣвалась только на смотры, парады и въ отпускъ, и куртки, составлявшей ежедневную одежду. Бѣлья кадеты имѣли по шести смѣнъ, и перемѣнялось оно два раза въ недѣлю; сапоги выдавались по мѣрѣ надобности. Ко всѣмъ этимъ вещамъ слѣдуетъ прибавить аммуницію, каску, ружье и наконецъ ранецъ; но эти походныя и боевыя принадлежности употреблялись рѣдко, и кадеты были равнодушны къ хорошему или дурному ихъ состоянію. Нужно отдать справедливость корпусному

начальству: въ вещахъ, составлявшихъ одежду, кадеты не имѣли недостатка; куртки шились ежегодно изъ хорошаго сукна, бѣды тоже было хорошее и въ достаточномъ количествѣ, и если прибавить къ этому, что каждый кадетъ имѣлъ желѣзную кровать, волосяной тюфякъ, шерстяное одѣяло, хорошее постельное бѣлье, шкапикъ для вещей, то нельзя не согласиться, что, въ этомъ отношеніи, содержаніе воспитанниковъ было вполне удовлетворительное. Можно было прожить въ корпусѣ восемь и болѣе лѣтъ, не получая изъ дому ни гроша, и не подвергаться никакимъ лишеніямъ. Книги, бумага, перья и проч. выдавались въ достаточномъ количествѣ. Перехожу теперь къ пищѣ, предмету самому существенному и интересному для кадетъ.

Вообще говоря, кормили въ корпусѣ довольно хорошо, особливо если взять во вниманіе, что большая часть кадетъ были дѣти очень бѣдныхъ родителей, а потому мало избалованы и домашней жизнью; къ тому же готовились они быть офицерами, а офицеръ, какъ мы имѣли случай убѣдиться на опытѣ, и въ мирное время, квартируя гдѣ нибудь въ деревнѣ, не всегда можетъ имѣть порядочный столъ; про военное время и говорить нечего. Чаше другихъ подавались слѣдующія кушанья: супъ съ говядиной, каша гречневая съ масломъ, соусъ картофельный или капустный съ говядиной, пироги съ кашей или морковью. Кромѣ этихъ кушаній приготовлялись иногда, большею частію въ праздники: макарены, пирожное, такъ называемые крестики и кольца. Изрѣдка подавались картофель въ мундирахъ, то есть неочищенный, и клюквенный кисель. Въ будничные дни было въ обѣдъ три кушанья, а въ праздники четыре; на ужинъ два блюда, а иногда вмѣсто нихъ сбитень съ булками, до котораго кадеты были большіе охотники. Изъ этого перечня кадетскихъ кушаній видно, что пища въ корпусѣ была довольно разнообразная и сытная. Нѣкоторыя изъ кушаній кадеты называли очень оригинально: такъ жидкую гречневую кашу, подававшуюся иногда на ужинъ, называли «размазною со шпорами», картофельный соусъ съ морковью — «бертовской подливкой», одну изъ кашъ называли «размазною съ мыломъ». Кадеты-филологи, занимавшіеся по преимуществу гастрономіей, знали происхожденіе этихъ названій; но для меня глубокой смыслъ ихъ остался скрытымъ.

Картофель былъ любимымъ кушаньемъ кадетъ. Узнавали за

нѣсколько дней, что тогда-то будетъ картофель въ мундирахъ; кадеты начинали готовить разные инструменты: колотушки, деревянные ложки особой конструкции и проч. Картофель обыкновенно подавали за ужиномъ; ѣсть его обыкновеннымъ способомъ, какъ всѣ ѣдятъ, казалось кадетамъ и невкусно и несытно, а потому каждый почти изъ своей порціи дѣлалъ тюрю, то есть мяль картофель колотушкой и потомъ уже, помазавши сверху масломъ, ѣлъ съ наслажденіемъ. Если бы, во время приготовленія тюри, ктонибудь посторонній, чуждый быта кадетъ, вошелъ въ столовую залу, то, вѣроятно, подумалъ бы, что онъ зашелъ на фабрику; видя же воодушевленіе работниковъ, ихъ веселыя лица, онъ тотчасъ же догадался бы, что они работаютъ для себя, и даже, я увѣренъ въ томъ, догадался бы, что работаютъ именно для желудка. Иногда кадеты, находя, что картофеля подавалось слишкомъ мало на цѣлый столъ, то есть на одиннадцать человѣкъ, и разсуждая, что гораздо лучше поѣсть рѣдко, да мѣтко, нежели ѣсть постоянно, да несытно, раздѣлялись на очереди, человѣка по четыре, такъ что весь картофель, вмѣсто одиннадцати кадетъ, получали только четыре, остальные же голодали; но это они переносили съ терпѣніемъ, утѣшая себя надеждою, что, въ свою очередь, и они поѣдятъ на славу. Когда же за обѣдомъ подавали гречневую, такъ называемую крутую кашу, то кадеты съѣдали ее со щами или съ супомъ, изъ хлѣба же готовили тюрю, которую, поливши масломъ отъ каши, ѣли особенно; тюрю тогда только считалась хорошо приготовленной, когда воткнутой въ нее ложкой можно было поднять тарелку, то есть какъ камень твердая; но кадетскіе желудки все переваривали.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ развлеченияхъ, которыя доставляло воспитанникамъ корпусное начальство. Разъ въ недѣлю, въ каждой ротѣ, вмѣсто фронтоваго ученія, былъ танцъ-классъ. Построить, бывало, кадетъ въ двѣ шеренги; впередъ станеть въ позицію старикъ Эбергардъ; три, четыре музыканта настроятъ свои лиры на жалостливый тонъ, и начинаются разныя па. Нѣкоторые воспитанники, особливо постарше, терпѣть не могли танцъ-класса и охотно предпочли бы заниматься учебными шагами и ружейными приемами. Пресмѣшно было смотрѣть, какъ нѣкоторые Мишеньки — такъ называлъ неловкихъ кадетъ Эбергардъ — подскакивали не въ тактъ на одной ножкѣ, стараясь сдѣлать какое нибудь па. Эбергардъ

имѣлъ привычку щипаться и передразнивать. Подойдетъ, бывало, къ какому нибудь франту съ кривыми ногами, ущипнетъ его, приговаривая: «какой ты, Мишенька, неловкій, посмотри, какъ ты танцуешь», и очень натурально представитъ, какъ танцуетъ медвѣдь; а Мишенька отвѣчаетъ ему басомъ: «да я ужь отъ природы такъ созданъ, ужь никогда не выучу эти проклятыя па».

Въ каждой ротѣ, раза три, четыре въ годъ устраивались вечеринки; на этотъ предметъ отпускались изъ корпусныхъ суммъ небольшія деньги. Вечеринки были очень интересны и, кажется, гораздо полезнѣе для кадетъ, нежели нынѣшніе большіе балы, стоющіе большихъ денегъ и доставляющіе удовольствіе больше гостямъ, нежели воспитанникамъ. Вечеринки состояли въ слѣдующемъ: послѣ вечернихъ классовъ, то есть въ шесть часовъ, въ рекреационныя залы роты приносились разныя игры: шахматы, шашки, китайскій бильярдъ; на столахъ раскладывались разные журналы, иллюстрированныя изданія, картины и т. п. Кадеты переодѣвались въ новыя куртки, и въ семь часовъ все было готово для пріема гостей. Гости состояли обыкновенно изъ слѣдующихъ особъ: баталіонный командиръ, инспекторъ классовъ и другіе корпусные офицеры съ ихъ семействами, а иногда приходилъ и директоръ, приглашалось также по нѣскольку кадетъ изъ другихъ ротъ. Въ семь часовъ корпусные музыканты начинали играть «полонезъ», и кадеты-танцоры, подъ руку съ дамами, а за неимѣніемъ ихъ и другъ съ другомъ, открывали шествіе. Въ это время другіе кадеты, болѣе серьезнаго характера, читали журналы, разсматривали картины, играли въ шахматы, въ шашки. По окончаніи перваго отдѣленія танцевъ, нѣсколько кадетъ выступали на сцену, и начинались такъ называемыя характерныя танцы: «русская», «казачекъ» и проч. Потомъ открывались литературныя состязанія: двѣ, три пары кадетъ выучивали на память какія нибудь драматическія сцены, становились другъ противъ друга и представляли дѣйствующихъ лицъ драмы или трагедіи. Часовъ около десяти кончалась вечеринка.

Но, вспоминая съ удовольствіемъ объ этихъ развлеченіяхъ, я долженъ, любя правду, сказать и о грустныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ ихъ. Обыкновенно вечеринки кончались тѣмъ, что нѣсколькихъ кадетъ отводили въ цейхаузъ и наказывали розгами. Причиною этой печальной развязки былъ чай, подавав-

пійся на вечеринкахъ. Чай разливался въ цейхаузѣ каптенармусомъ. Поставивши на огромный поднось чашекъ 30, каптенармусъ, торжественно, высоко поднявши поднось, несъ его въ залу; но только что онъ показывался, какъ нѣсколько кадетъ-сорванцовъ, забывъ о присутствіи дамъ, бросались на поднось и расхватывали чашки и сухари, что, конечно, не обходилось безъ того, чтобы нѣсколько чашекъ не упало на полъ и не разбилось. Такое поведеніе кадетъ весьма конфузило хозяина вечеринки—ротнаго командира, и вотъ, такимъ образомъ, по окончаніи вечеринки, начиналась расправа.

На Рождество, въ ротахъ устраивались елки, но — увь! — и елки не обходились безъ того, чтобы нѣсколькихъ кадетъ не выскли.

Каждый годъ въ корпусѣ устраивался театръ; актерами были кадеты. Видѣть своего товарища въ ролѣ барышни или лакея доставляло кадетамъ большое удовольствіе. Игались слѣдующія пьесы: «Стряпчій подъ столомъ» «Дѣдушка русскаго флота», «Ломоносовъ» и т. п. И, нужно отдать справедливость, нѣкоторые кадеты играли превосходно.

Изъ всего сказаннаго о содержаніи кадетъ и о развлеченіяхъ, которыя имъ доставлялись, можно видѣть, что начальство 2-го корпуса заботилось о кадетлахъ, старалось объ улучшеніи ихъ быта, и если дѣятельность его не достигала вполнѣ хорошихъ результатовъ, то это происходило отъ разныхъ причинъ, которыя, при дальнѣйшемъ описаніи корпусной жизни, можетъ быть, объяснятся сами собою.

При поступленіи моемъ въ корпусъ, я засталъ слѣдующихъ начальниковъ:

Директоромъ корпуса былъ М*. Я недолго былъ при немъ въ корпусѣ, а потому мало сохранилъ о немъ воспоминаній. Помню всегда серьезное и строгое выраженіе его лица, большую свиту, состоявшую изъ офицеровъ и сопровождающую его во время обхода корпуса. Кадеты уважали его и боялись. Осталось у меня въ памяти прощаніе его съ кадетами: въ столовой залѣ построены были всѣ воспитанники, каждый подходилъ и цѣловался съ М*. М* плакалъ. Вѣроятно, слезы эти были искреннія: онъ былъ добрый человекъ и любилъ корпусъ. На слѣдующій день, въ залѣ, гдѣ давались спектакли, устроенъ былъ прощальный концертъ; пѣвчіе кадеты, пропѣли, между прочимъ, прощальную пѣснь, сочиненную на этотъ случай учителемъ

русскаго языка, въ которой выражена была благодарность кадетъ М* за его любовь и попеченіе,

Новый директоръ, Б*, составлялъ совершенную противоположность съ М*: какъ М* былъ серьезень и важень, такъ Б* обходителенъ и добродушенъ. Привыкши видѣть М* окруженнаго свитой, казалось страннымъ смотрѣть на Б*, суетливо ходившаго, безъ всякой свиты, по ротамъ и классамъ. Первый вопросъ его кадету всегда почти состоялъ въ томъ: «какой, братецъ, губерніи?» и по полученіи отвѣта: «а ну-ка пройдишь тихимъ шагомъ», и въ заключеніе или говорилъ: «молодецъ, молодецъ», или «плохо, плохо, нужно стараться». Б* очень любилъ видѣть кадетъ здоровыхъ, краснощекихъ и если встрѣчалъ кадета блѣднаго, съ синими пятнами подъ глазами, то обыкновенно говорилъ ему: «нехорошо, нехорошо, братецъ!» Иногда, въ классѣ, учитель, воодушевленный присутствіемъ Б*, краснорѣчиво излагаетъ свой предметъ; вдругъ Б* обращается къ кадетамъ съ слѣдующей моралью: «а главное помнить, что въ предложенномъ падежѣ пишется ѣ», хотя учитель говорилъ совсѣмъ не о русской грамматикѣ. У Б* иногда бывали вечера, на которые онъ всегда приглашалъ хорошихъ воспитанниковъ. Вообще Б* очень любилъ кадетъ и, вѣроятно, самъ глубоко страдалъ, видя существовавшее зло; но въ любящемъ сердцѣ своемъ не находилъ радикальныхъ мѣръ къ искорененію его, а потому все шло по прежнему.

При директорѣ М* инспекторомъ классовъ былъ М*. Кадеты считали его чрезвычайно ученымъ и ужасно боялись. Онъ былъ недолго при нѣ, года полтора, но какъ теперь помню его: блѣдный, худой, кожа да кости, всегда на костыляхъ—страшно было смотрѣть на него. По классному корридору и изъ класса въ классъ, носили его въ креслахъ; какимъ-то чутьемъ узнавали кадеты, что несутъ М*, и всѣми овладѣвалъ паническій страхъ. И дѣйствительно: гробовая блѣдность его лица, холодное безжизненное выраженіе, костыли, которыми онъ стучалъ, и, наконецъ, извѣстная всѣмъ его строгость могли пугать воображеніе кадетъ. Стоило только учителю пожаловаться на воспитанника, какъ тотчасъ же производилась и расправа; но за то кадетъ, которые отлично учились, М* бралъ по праздникамъ къ себѣ и закармливалъ разными лакомствами.

Вмѣсто М*, умершаго, назначенъ былъ инспекторомъ О*. По характеру своему, М* и О* еще болѣе представляли противопо-

ложностей, нежели старшій нашъ директоръ и новшій Б*. О*, всегда веселый, добрый, любилъ пошутить съ кадетами. На кадетскія шалости, даже очень серьезныя, О* смотрѣлъ снисходительно. Самое грубое выраженіе и очень имъ любимое было «бобръ»; этимъ словомъ онъ называлъ тупыхъ кадетъ, учившихъ все въ долбяшку. О* читалъ въ старшихъ классахъ артиллерію и тактику. Нельзя было не удивляться его обширнымъ познаніямъ: на какую бы лекцію онъ ни пришелъ, вездѣ былъ какъ у себя дома, и ему уже не подведешь, какъ выражались кадеты, турусы на колесахъ—поймаешь. Бывало начнетъ объяснять грамматическія правила какого нибудь языка, или трудную математическую задачу, или рассказывать какое нибудь историческое событіе: просто заслушаешься, лучше всякаго учителя. О* часто дѣлалъ у себя вечера, на которые приглашалъ хорошихъ кадетъ; у него было превесело; самъ онъ всегда былъ душею общества.

При директорѣ М*, баталіоннымъ командиромъ былъ С*. Объ этой прекрасной личности я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ; его открытое, чрезвычайно выразительное и благородное лицо внушало къ нему невольное уваженіе; что-то было необыкновенно привлекательное, симпатичное во всей его наружности. Несмотря на строгость С*, его очень любили, и я не помню, чтобы хотя разъ кадеты портили какой нибудь смотръ или парадъ. А это случалось часто съ другими баталіонными командирами. Злая эта шутка состояла въ слѣдующемъ: на домашнихъ ученіяхъ, кадеты учатся отлично, но вотъ назначается смотръ или парадъ, т. е. вопросъ «быть или не быть» для баталіоннаго командира, и если старые кадеты были недовольны чѣмъ нибудь — а это случалось часто — то передавали во всѣ роты, что на парадѣ «портить». И о—ужасъ!—ружейные приемы дѣлаются дурно, разныя построенія тоже, церемоніальный маршъ, финалъ смотра, еще хуже: не только что неровно, но даже и не въ ногу. Баталіонный командиръ въ отчаяніи, его распекаютъ, а кадеты довольны, что подшутили надъ нимъ!

Но С* такъ любилъ, что ни разу не позволяли съ нимъ такихъ жестокихъ шутокъ. Я помню прощаніе кадетъ съ С*, при полученіи имъ другаго назначенія: всѣ плакали—такъ онъ умѣлъ привязать къ себѣ кадетъ!

Изъ этого описанія личностей старшихъ начальниковъ можно вывести заключеніе, что 2-й корпусъ въ этомъ отношеніи былъ

очень счастливъ. Но, кромѣ директора, инспектора классовъ и баталіоннаго командира, въ жизни воспитанниковъ играютъ важную роль ротные командиры. Живя почти постоянно съ кадетами, зная каждаго изъ нихъ, имъ, конечно, ближе нежели кому нибудь другому извѣстны и хорошія и дурныя стороны воспитанниковъ. Вліяніе ихъ на кадетъ можетъ быть или чрезвычайно благотворное, или вредное, что зависитъ отъ личныхъ свойствъ этихъ дѣятелей. Для того, чтобы исполнить хорошо высокую обязанность воспитателя, мало быть только развитымъ человекомъ: необходимо имѣть доброе, любящее сердце.

При поступленіи моемъ въ корпусъ, ротными командирами были въ ротѣ Его Высочества Т*, въ 1-й ротѣ Х* (*), въ 3-й С*, во 2-й — М*, и въ неранжированной — Д*.

Всѣ эти ротные командиры служили когда-то въ артиллеріи. Упоминаю объ этомъ потому, что въ мое время кадеты на артиллерійскихъ офицеровъ смотрѣли съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ, нежели на офицеровъ другихъ родовъ войскъ. Какъ бывшіе воспитанники 2-го корпуса, за исключеніемъ, кажется, только М*, они знали духъ кадетъ, ихъ дурныя и хорошія стороны. Отдавая всѣмъ имъ справедливость какъ умнымъ и честнымъ дѣятелямъ, я съ особенной любовью воспоминаю объ А. И. С*.

Пройдетъ много лѣтъ, но, вѣроятно, никто изъ бывшихъ кадетъ 2-го корпуса не забудетъ эту благородную и высоко-симпатичную личность. Андрей Ивановичъ командовалъ прежде третьей ротою, а потомъ ротою Его Высочества. И въ той и въ другой ротѣ онъ такъ умѣлъ слиться съ жизнью воспитанниковъ, что они какъ будто дополняли другъ друга. Андрей Ивановичъ былъ очень вспыльчиваго характера, любилъ покричать; но кадеты знали своего ротнаго командира, его безконечно доброе сердце, а потому безъ страха выслушивали потоки его горячихъ рѣчей. Сколько самоотверженія было въ дѣятельности Андрея Ивановича! Несмотря на свое большое семейство, онъ всегда почти былъ съ кадетами, или, лучше сказать, кадеты составляли его вторую семью, и, право, трудно рѣшить: о какой семьѣ онъ больше заботился. Случалось, что Андрею Ивановичу приходилось и строго наказывать кадетъ; но, кажется, онъ самъ лично больше страдалъ, нежели воспитанникъ,

(*) Александръ Петровичъ Хрущовъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ дивизіи, въ крымскую войну составилъ себѣ громкую извѣстность.

котораго онъ наказывалъ; не разъ случалось мнѣ видѣть Андрея Ивановича, идущаго по корридору съ заплаканными глазами: это уже былъ вѣрный признакъ, что кого нибудь изъ кадетъ пришлось ему крѣпко высѣчь.

Андрей Ивановичъ былъ очень бѣденъ; необходимость заставила его взять классы ариѳметики и геометріи, но въ большіе праздники, нѣсколько воспитанниковъ изъ тѣхъ, у кого не было родныхъ, проводили время въ его семьѣ, оставаясь по нѣсколькимъ дней. Понадобится ли кадету какая нибудь мелочь: шнурочикъ на крестикъ, почтовая бумага для письма и т. п., онъ безъ церемоніи обращался къ Андрею Ивановичу, а тотъ, въ свою очередь, посылалъ его къ Марьѣ Васильевнѣ, женѣ своей. Было что-то патріархальное, родственное въ отношеніяхъ Андрея Ивановича и его семейства къ кадетамъ и кадетъ къ нимъ. Между прочими занятіями А. И. было поручено обмундированіе выпускныхъ. И, конечно, лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: сколько хлопотъ стоило А. И., чтобы сберечь грошъ юнаго прапорщика! Мнѣ кажется, что отецъ родной не могъ бы такъ хорошо, такъ дешево снарядить на службу своего сына, какъ снаряжалъ насъ Андрей Ивановичъ. И, вѣроятно, не разъ приходилось прапорщику, щеголявшему въ платьѣ, построенномъ подъ наблюденіемъ А. И., вспоминать о немъ съ благодарностію. Но такія высоко-честныя и гуманныя личности являются не часто; оттого и память о нихъ сохраняется вѣчно (*). Кромѣ ротнаго командира, въ каждой ротѣ были три, четыре субалтернъ-офицера. Они дежурили по ротѣ и завѣдывали отдѣленіями; но обязанность этихъ офицеровъ въ отношеніи ихъ отдѣленій ограничивалась болѣе наружной стороною: осмотромъ одежды, обученіемъ фронту и т. п. Между дежурными офицерами было нѣсколько служившихъ прежде въ артиллеріи и саперахъ. Этого уже было достаточно, чтобы расположить кадетъ въ свою пользу и приобрѣсть ихъ уваженіе. И мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи кадеты не ошибались. Какъ въ прежнее время, такъ и въ мое, въ артиллерію и саперы выпускали кадетъ, хорошо кончившихъ курсъ, слѣдовательно взявшихъ изъ корпуснаго воспитанія все, что было только возможно. По роду своей службы, артиллерійскіе и саперные офицеры имѣли и болѣе побужденій и болѣе средствъ слѣдить за науками, а

(*) Въ 1848 году, во время холеры, Андрей Ивановичъ Сологубъ умеръ въ одинъ день съ своею женою. Миръ праху твоему, благороднѣйшій человѣкъ!

потому, прїѣзжая на службу въ корпусъ, они имѣли достаточно свѣдѣній, чтобы удовлетворительно отвѣчать воспитанникамъ на научные ихъ вопросы. Особенно часто обращались кадеты къ офицерамъ съ просьбою: помочь имъ рѣшить какую нибудь математическую задачу или объяснить какое нибудь грамматическое правило, и если офицеръ удовлетворительно рѣшалъ предложенные ему вопросы, то заслуживалъ любовь и уваженіе кадетъ. Къ сожалѣнію, такихъ офицеровъ, которые въ состояніи были помогать воспитанникамъ въ ихъ занятіяхъ, было у насъ немного; большею частію поступали офицеры изъ арміи. Мы не желаемъ этимъ сказать, чтобы и между армейскими офицерами не было въ корпусѣ истинно достойныхъ, пользовавшихся полнымъ уваженіемъ офицеровъ. Боже сохрани насъ отъ такого грѣха! но все же это было исключеніе. Напримѣръ, были у насъ офицеры, вышедшіе когда-то изъ 2-го же корпуса и не окончившіе кадетскаго курса; прослуживъ пять, шесть лѣтъ въ арміи, они поступали въ корпусъ дежурными офицерами. Кому неизвѣстно, что жизнь армейскаго офицера, проходящая частію въ походахъ, частію въ деревняхъ, вдали даже отъ полковаго штаба, мало представляетъ благопріятныхъ условій для пріобрѣтенія какихъ нибудь познаній и вообще для развитія себя въ умственномъ отношеніи. Многіе забываютъ и то, чему учились въ корпусѣ, а потому, поступая дежурными офицерами, нѣкоторые изъ нихъ не удовлетворяютъ вполне своему высокому назначенію. Бывши въ своемъ полку, можетъ быть, полезными дѣятелями, поступая въ корпусъ на совершенно другую дѣятельность, они оказываются иногда несостоятельными. А, между тѣмъ, нѣтъ болѣе строгихъ и злыхъ критиковъ, какъ кадеты: стоитъ только замѣтить имъ какую нибудь слабую сторону въ офицерѣ, и—увы!—репутація его во мнѣніи воспитанниковъ уже пострадала: пригоняютъ офицеру какой нибудь эпитетъ, иногда очень мѣткій и злой, и такому офицеру уже трудно съ достоинствомъ исполнить свои обязанности.

Вліяніе личности офицера на кадетъ неотразимо, но вліяніе это, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, можетъ быть доброе или вредное.

Между дежурными офицерами, не вполне соотвѣтствовавшими своему назначенію, особенно выдается личность офицера N. N вышелъ изъ 2-го корпуса въ 1831 или 1832 году въ армію, то есть въ то время, когда въ армію выпускали иногда кадетъ,

не окончившихъ курса и не вполне удовлетворительнаго поведенія. Прослужа довольно продолжительное время въ арміи, N поступилъ въ корпусъ. Кадеты скоро подмѣтили нѣкоторыя слабыя стороны N, и въ особенности страсть его лгать, а потому онъ и получилъ эпитетъ «враля». Нельзя не замѣтить, что N дѣйствительно имѣлъ мало нравственныхъ достоинствъ: съ воспитанниками позволялъ себѣ обращаться очень грубо и, напротивъ, съ начальниками былъ тише воды ниже травы. Само собою разумѣется, что кадеты не могли уважать N, смѣялись ему въ глаза и даже дурачили.

Лгать было болѣзнию N. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ небывлицъ не рассказывалъ онъ! Какъ всѣ ничтожные люди, N былъ очень тщеславенъ, выдавалъ себя передъ кадетами за богатаго человѣка, а, между тѣмъ, съ трудомъ могъ порядочно одѣваться. Рассказы N преисполнены были такой пылкой фантазіи и такъ разнообразны, что, празо, кажется, сама Шехеразада позавидовала бы ему. Для примѣра запишу хоть одинъ изъ его многочисленныхъ рассказовъ.

«Когда я служилъ въ арміи, то былъ адъютантомъ у корпуснаго командира N. Бѣдовый былъ человѣкъ! у него держи ухо остро! Разъ, во время корпуснаго ученія, N обращается ко мнѣ: «N, скажи къ генералу такому-то и передай ему то-то и то-то.» У меня была чудная лошадь арабской породы, я далъ шпоры и полетѣлъ какъ стрѣла; вдругъ, вижу, передо мною огромный ровъ! Что дѣлать? нужно исполнить приказаніе! даю шпоры, лошадь взвилась, и когда я уже былъ на срединѣ рва, то обернулся назадъ, вижу—N машетъ рукой вернуться, я повернулъ коня налѣво кругомъ и полетѣлъ къ нему» и т. д.

Въ этомъ родѣ были всѣ повѣствованія N.

Рассказывая свои исторіи, N имѣлъ привычку качать головой. Разъ, когда и я тоже былъ въ числѣ слушателей, одинъ школьникъ-кадетъ усѣлся сзади N, сложилъ кулакъ въ кукунку (слово это объяснено выше) и по мѣрѣ того, какъ N подымалъ и опускалъ голову, и кадетъ подымалъ и опускалъ руку; но, какъ-то неожиданно, въ порывѣ сильнаго увлеченія, N быстро поднялъ голову вверхъ, и—о ужасъ!—получилъ кукунку! Далѣе я не берусь описывать. Нужно большое искусство владѣть перомъ, чтобы изобразить достойнымъ образомъ и страшное негодованіе N, и смятеніе школьника, и скрытую радость кадетъ, свидѣтелей казуса!

Все это было бы, можетъ быть, смѣшно, ежели бы не было такъ грустно. Само собою разумѣется, что такой офицеръ, какъ N, не могъ пользоваться уваженіемъ кадетъ, а слѣдовательно и имѣть сколько нибудь полезное на нихъ влияніе. Къ счастью, N составлялъ исключеніе. Изъ дежурныхъ офицеровъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, было нѣсколько, и даже большинство, вполне достойныхъ всякаго уваженія и доброй памяти, и если, по нашему мнѣнію, не всѣ они вполне соответствовали своему назначенію, то это, можетъ быть, оттого, что мы слишкомъ строго смотримъ на званіе корпуснаго офицера.

Но могутъ замѣтить: отчего же, при такомъ хорошемъ составѣ офицеровъ, и въ особенности старшихъ начальниковъ и ротныхъ командировъ, такъ упорно держалось зло, такъ много было дикаго и нелѣпаго въ нравахъ и понятіяхъ кадетъ? Описывая все какъ было на самомъ дѣлѣ, я затрудняюсь отвѣчать положительно на заданный вопросъ. Можетъ быть, десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ жизни кадетъ 2-го корпуса несравненно болѣе было дикаго и нелѣпаго, нежели въ мое время, а потому и описанныя мною грустныя явленія корпусной жизни не производили на другихъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какое производятъ въ настоящее время на меня. Можетъ быть, суровыя наказанія: розги, исключеніе изъ корпуса въ кантонисты, въ унтеръ-офицеры, не достигали цѣли. Можетъ быть, вопросъ этотъ рѣшится самъ собою, при дальнѣйшемъ описаніи корпусной жизни.

Въ 1840 году, поступилъ къ намъ баталіоннымъ командиромъ К*. Съ перваго знакомства съ К*, кадеты не полюбили его. Онъ имѣлъ очень красивую наружность, но было что-то неприятное и въ его быстрыхъ глазахъ, и въ постоянной улыбкѣ. Иногда К* шутилъ съ кадетами, стараясь ихъ привязать къ себѣ, но шутки эти были какъ-то принужденны, не отъ души, а потому и не вызывали на довѣрчивость и откровенность. Недостатокъ ли любви воспитанниковъ къ К* оскорбилъ его самолюбіе, или были какія нибудь другія причины, но въ скоромъ времени онъ перемѣнилъ свое обращеніе съ кадетами и началъ поступать съ ними чрезвычайно строго, предполагая, вѣроятно, мѣрами строгости искоренить пороки и заблужденія воспитанниковъ. Въ лагерѣ, не помню за какіе-то проступки, К* наказалъ жестоко нѣсколько кадетъ старшихъ классовъ. Наказаніе это имѣло дурныя послѣдствія: воспитанники позволяли

себѣ разные безпорядки; наряжено было слѣдствіе, которое кончилось тѣмъ, что пять или шесть кадетъ были наказаны розгами передъ корпусомъ и выключены въ унтеръ-офицеры.

Директоръ Б* уѣхалъ въ отпускъ, и завѣдываніе корпусомъ было поручено начальнику штаба Р*.

Р* видѣлъ, какъ дорого обходятся воспитанникамъ ихъ заблужденія и предрасудки, а потому рѣшился кроткими, гуманными мѣрами произвести реформу въ нравахъ и понятіяхъ кадетъ и, какъ увидимъ вскорѣ, вполне достигъ своей цѣли.

Все, что было до Р*, можно назвать древней исторіей корпуса, и все, что началось съ него, новой. Новыя идеи изгоняютъ старыя, уничтожаются частныя классныя общества и образуется одно стройное цѣлое.

Казалось бы, что частыя исключенія изъ корпуса старыхъ кадетъ, строгія, суровыя наказанія должны были подѣйствовать на духъ воспитанниковъ, измѣнить его къ лучшему. Но на дѣлѣ было не такъ: выгнанныхъ старыхъ кадетъ замѣняли новые, и все шло по прежнему. Р* измѣнилъ систему: вмѣсто строгихъ мѣръ, способствовавшихъ болѣе къ ожесточенію и огрубленію чувствъ, нежели къ смягченію ихъ, онъ началъ употреблять самыя кроткія мѣры. Для достиженія благой цѣли — нравственнаго перевоспитанія кадетъ — необходимо было представить въ смѣшномъ видѣ тѣ кумиры, которымъ поклонялись кадеты, снять съ нихъ лучезарные ореолы, показать всю нелѣпость корпусныхъ заблужденій, рѣзкой чертой отдѣлать благородное отъ низкаго, ложь отъ истины.

Р* ласковымъ обращеніемъ съ воспитанниками поселилъ въ нихъ довѣренность къ себѣ и убѣжденіе, что все, что онъ ни дѣлаетъ, все для ихъ пользы. Онъ учредилъ штрафныя камеры, которыя ввѣрилъ старшимъ кадетамъ, предоставивъ, такимъ образомъ, самимъ воспитанникамъ исправлять своихъ товарищей. Каждому изъ кадетъ Р* предоставилъ право писать къ нему письма и излагать въ нихъ свои нужды и желанія, и все о чемъ просили его кадеты, онъ старался исполнить. Такимъ образомъ, Р* достигъ того, что на него смотрѣли воспитанники болѣе какъ на друга, нежели какъ на начальника.

Въ нѣкоторыхъ своихъ приказахъ по корпусу, Р* анализировалъ причины дурныхъ поступковъ кадетъ, и большею частію оказывалось, что они происходили не отъ испорченности сердца, а отъ заблужденій и предрасудковъ—такъ: грубость отъ бояз-

ни, чтобы вѣжливость не назвали лестью; нелюдимость и одичалось—чтобы рѣзвость и привѣтливость не сочли малодушіемъ. Одинъ изъ старыхъ кадетъ К*, по совѣту своихъ товарищей, просилъ Р* ходатайствовать о прощеніи его отца, который давно уже находился въ Сибири за какіе-то проступки. Р* просилъ объ этомъ государя, и отецъ К* былъ прощенъ. Во время обѣда, Р* пріѣхалъ въ корпусъ, позвалъ къ себѣ К* и при всѣхъ воспитанникахъ объявилъ ему, что отецъ его прощенъ. К* сухо поблагодарилъ Р* и отправился дождать свой супъ. Этотъ холодный тонъ мальчика, это наружное равнодушіе къ судьбѣ своего отца послужили для Р* темой для приказа по корпусу, въ которомъ онъ прекрасно развилъ причины, почему К* не далъ простора своимъ чувствамъ. Р* справедливо предполагалъ, что равнодушіе, высказанное К*, не могло быть истиннымъ, такъ какъ оно противно природѣ человѣка, что оно, напротивъ, было мнимое, происшедшее отъ стыда выказать чувствительность сердца. Далѣе въ приказѣ говорилось, что если бы К* былъ наединѣ съ Р*, то, вѣроятно, иначе выразилъ бы свою благодарность къ нему, какъ къ вѣстнику великой радости; при кадетяхъ же ему было стыдно показать, что и его сердце не чуждо любви и благодарности.

Кадеты сами ужаснулись, до какихъ дикихъ явленій доводятъ ихъ заблужденія и предрассудки, и многимъ изъ нихъ становилось уже совѣстно самимъ за себя.

Такимъ образомъ, Р* вооружился противъ всѣхъ заблужденій и идеаловъ кадетъ, но вооружился убѣжденіемъ и кротостію, а не розгами; онъ далъ возможность самимъ кадетамъ произнести судъ надъ своимъ невѣжествомъ и предрассудками, представивъ ихъ во всей безобразной наготѣ.

Этими мѣрами Р* достигъ самыхъ счастливыхъ результатовъ. Въ четыре мѣсяца завѣдыванія его корпусомъ нравы и возрѣнія кадетъ во многомъ измѣнились. Тѣхъ воспитанниковъ, которые были вѣжливы съ начальниками, уже не называли «*лициками*», а считали, что это такъ и должно быть. Классныя общества начали мало по малу терять свой суровый характеръ, что имѣло слѣдствіемъ уменьшеніе дракъ, этого дикаго порожденія классныхъ обществъ. Надъ кадетами, остававшимися еще съ прежними возрѣніями, начинали уже подтрунивать. Такимъ образомъ, во всемъ произошла перемѣна; старое мало по малу замѣнялось новымъ. И всю эту нравственную реформу произвелъ

одинъ человекъ! Но человекъ этотъ явился въ корпусъ не съ розгами, а съ любовью и силою убѣжденій. И не заключается ли въ этомъ разгадка его успѣховъ?

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, которые я еще оставался въ корпусѣ, жизнь кадетъ, ихъ понятія, нравы постепенно улучшались. Классныя общества замѣтно кончали свое замкнутое существованіе; съ новичками поступали человѣчнѣе; число кадетъ съ кривыми ногами, съ угловатыми манерами, съ каждымъ годомъ уменьшалось и надъ ними уже подсмѣивались. Быть со всѣми вѣжливымъ, опрятно одѣваться, пользоваться расположеніемъ начальниковъ не считалось уже чѣмъ-то предосудительнымъ; напротивъ, любовь начальниковъ нерѣдко совпадала съ любовью товарищей. Самыя игры утратили почти совершенно свой прежній суровый характеръ: чехарда, бриманка, казаки-разбойники и проч. вовсе были оставлены. Къ кушаньямъ кадеты становились менѣе взыскательны: за горькое масло уже не подымали бунта и не бросали въ эконома чѣмъ попало.

Во всемъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ, что, конечно, имѣло самыя благотворныя послѣдствія: мальчикъ имѣлъ болѣе возможности слѣдовать природному своему влеченію; если онъ былъ съ добрыми свойствами души, то могъ свободнѣе развивать ихъ и примѣнять къ дѣлу: путь его былъ уже очищенъ отъ многихъ терній.

Но, несмотря на счастливую переменъ, происшедшую въ жизни кадетъ 2-го корпуса, идеи истины и добра не проникли во всю массу кадетъ: онѣ были вполнѣ усвоены только лучшими, такъ сказать, передовыми воспитанниками; большинство же не могло въ столь короткое время отрѣшиться отъ всѣхъ дорогихъ ему предразсудковъ и заблужденій. Брешь въ этой китайской стѣнѣ была сдѣлана, но она еще далеко не разрушена, да и разрушится ли когда нибудь? Послѣднее слово въ дѣлѣ усовершенствованія и развитія, вѣроятно, никогда не скажется, а потому для будущихъ просвѣщенныхъ дѣятелей остается безконечное поле для сѣянія добра и истины. Пожелаемъ только, чтобы въ нихъ не было недостатка.

Описавъ бытъ кадетъ, ихъ нравы, понятія, совершившуюся реформу, мнѣ остается теперь прослѣдить другую сторону кадетской жизни — ихъ умственное развитіе. Въ предъидущемъ отдѣлѣ, я вовсе не упоминалъ о классныхъ занятіяхъ; мнѣ не

хотѣлось объ этомъ важномъ предметѣ говорить вскользь, между прочимъ, а прослѣдить его по возможности подробно.

Въ корпусѣ было 8 классовъ: 2 приготовительныхъ, 4 общихъ и 2 специальныхъ.

Самое названіе приготовительныхъ классовъ даетъ идею о назначеніи ихъ. Въ эти классы поступали кадеты, мало приготовленные дома, или и вовсе ничему не учившіеся. Первый приготовительный классъ, т. е. самый младшій, назывался у насъ черкесскимъ, такъ какъ въ немъ всегда было много горцевъ. Въ этомъ классѣ учили—изъ русскаго языка: читать и писать, говорить басни, составлять фразы изъ словъ; изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ: читать и писать и заучивать наизусть разныя фразы; изъ ариѳметики: нумерацію и первыя четыре правила; изъ закона Божія: молитвы и ветхій завѣтъ и, наконецъ, чистописанію. Во второмъ приготовительномъ классѣ, проходили тѣ же предметы. Классы эти раздѣлялись каждый на 3 параллельныхъ отдѣленія; въ отдѣленіи было 35 и болѣе воспитанниковъ, предварительная подготовка которыхъ была далеко неодинакова, и это обстоятельство очень затрудняло учителей систематически и съ успѣхомъ проходить свои предметы; притомъ же шумъ, беспорядки, шалости, неизбежныя при такомъ большомъ собраніи мальчиковъ, много препятствовали толковымъ занятіямъ.

Изъ втораго приготовительнаго класса въ первый общій кадеты переходили по экзаменамъ, которые, какъ увидимъ впоследствии, не всегда служили гарантіей въ достаточной подготовкѣ воспитанника къ переходу въ слѣдующій классъ.

Въ первомъ общемъ классѣ проходили слѣдующіе предметы: изъ русскаго языка: первую часть грамматики; изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ: заучиваніе разныхъ фразъ, нѣкоторыя грамматическія правила и переводы на русскій языкъ; изъ математики: дроби и лонгиметрію; изъ закона Божія: катехизисъ. Въ этомъ же классѣ начинали проходить: географію, всеобщую исторію и зоологію. Нѣкоторые изъ кадетъ, перешедшіе изъ приготовительнаго класса въ первый общій, не въ состояніи были удовлетворительно слѣдить за курсомъ, и это не отъ лѣности, а отъ недостаточной подготовки: то ставила ихъ втупикъ какая нибудь математическая задача, то встрѣчали они затрудненіе въ приготовленіи урока изъ географіи или изъ грам-

матки, и, такимъ образомъ, кромѣ лѣнливыхъ кадетъ, начали мало по малу являться и тупые.

Въ первомъ общемъ классѣ тоже было три параллельныхъ отдѣленій, въ каждомъ отдѣленіи 30 и болѣе воспитанниковъ. Учителямъ было трудно съ успѣхомъ проходить свои предметы; по большому числу кадетъ въ классѣ, не было возможности часто переспрашивать заданные уроки, на что рассчитывая, нѣкоторые воспитанники запускали уроки и потомъ уже не въ состояніи были слѣдить за курсомъ.

Во второмъ, третьемъ и четвертомъ общемъ классѣ проходились тѣ же предметы въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи, съ прибавкою только въ четвертомъ общемъ классѣ физики.

По мѣрѣ того, какъ предметы дѣлались болѣе и болѣе серьезными, обнаруживалось и болѣе разницы въ степени способностей кадетъ. Начали являться труженики, которые, при всемъ прилежаніи, или не въ состояніи были вовсе многого понять, или понимали съ большимъ трудомъ. Нѣкоторые кадеты, вмѣсто того, чтобы ложиться спать въ 9 часовъ, ложились въ 12 и позже и вставали часа за 2 до повѣстки, употребляя все это время, столь драгоценное для кадета, на приготовленіе уроковъ. И часто, несмотря на усиленные занятія, они не въ состояніи были удовлетворительно приготовить свои уроки. Это происходило частію отъ недостаточной предварительной подготовки, частію отъ другихъ причинъ, которыя я постараюсь объяснить впоследствии. Вообще замѣчу, что классныя занятія кадетъ шли неудовлетворительно: 4, 5 человѣкъ изъ цѣлаго класса учились отлично, другіе и такъ и сякъ, а нѣкоторые и вовсе плохо. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторые кадеты оставались въ одномъ и томъ же классѣ по 2 и даже по 3 года и, наконецъ, выходили: или изъ четвертаго общаго класса въ баталіоны корпуса внутренней стражи, или изъ перваго спеціального класса въ линейные баталіоны, а были и такіе, которыхъ по неспособности исключали изъ корпуса вовсе.

По мѣрѣ перехода изъ низшаго класса въ высшій, число кадетъ замѣтно уменьшалось, такъ что во второй спеціальный классъ поступало значительно меньше половины воспитанниковъ, находившихся въ первомъ общемъ классѣ.

Такъ, когда я былъ въ первомъ общемъ классѣ, то число кадетъ въ трехъ отдѣленіяхъ этого класса было около 90; когда же я перешелъ въ выпускной классъ, т. е. во второй спеціальный классъ, то число кадетъ было около 28.

вѣдѣній, то со мною вмѣстѣ поступило въ этотъ классъ 37 кадетъ. Фактъ весьма многозначительный!

Въ первомъ спеціальному классѣ проходились слѣдующіе предметы: изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ: грамматика и переводы; изъ русскаго языка: эстетика; изъ математики: аналитическая геометрія; физика; законовѣдѣніе; статистика; законъ Божій; военныя науки: тактика, артиллерія и фортификація и, наконецъ, черченіе и топографія.

Во второмъ спеціальному классѣ проходили изъ математики—механику; изъ русскаго языка—литературу, вмѣсто физики проходили химию; остальные предметы были тѣ же самыя, что и въ первомъ спеціальному классѣ.

Поименовавъ всѣ предметы, которые проходились въ корпусѣ, необходимо разсказать, какъ именно они проходились и въ какой степени усвоивали ихъ кадеты. Начну съ языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Въ мое время, въ общихъ классахъ, въ первомъ и во второмъ, была въ употребленіи метода Эртеля. Она состояла въ слѣдующемъ: учитель ставилъ на доску папку, на которой были нарисованы разные предметы; указывая палочкой на какой нибудь предметъ, онъ произносилъ, на примѣръ: *voici une chaumière*, или *Das ist eine Blume* и т. д., и всѣ кадеты повторяли за нимъ вслухъ, на распѣвъ: *Das ist eine Blume* и т. д. Классъ обыкновенно раздѣлялся на дивизионы по числу скамеекъ; учитель произносилъ: «такой-то дивизионъ», кадеты названнаго дивизиона вскакивали и начинали пѣть фразы; случалось, что изъ пяти или шести кадетъ, составлявшихъ дивизионъ, пѣли три или четыре, остальные же только разѣвали ротъ. Кромѣ этихъ полезныхъ упражненій, заставляли кадетъ переводить по нѣскольку строкъ на русскій языкъ и писать на доскѣ. Впослѣдствіи, по переходѣ моемъ въ третій общій классъ, введена была метода Гуро, основанная болѣе на грамматическихъ упражненіяхъ, а потому, какъ мнѣ кажется, полезнѣе методы Эртеля; но потому ли, что было уже потеряно много времени для изученія языковъ или мѣшали этому другіе, болѣе серьезные предметы, только языкознаніе шло очень неудовлетворительно.

Между кадетами и учителями французскаго и нѣмецкаго языковъ постоянно существовали какія-то враждебныя отношенія; кадеты позволяли себѣ съ учителями разныя шалости, иногда очень дерзкія; учителя съ своей стороны жаловались на

кадетъ, ставили имъ нули, а иногда и сами расправлялись, и даже очень деспотически: такъ учитель французскаго языка М*, если ловилъ кадета въ какой нибудь шалости, то безъ церемоніи ставилъ его въ уголъ до Рождества Христова или до Святой недѣли, хотя бы до этихъ праздниковъ оставалось мѣсяца три или четыре.

Такъ какъ рѣдко кто изъ кадетъ приготовлялъ удовлетворительно уроки, то были въ большомъ употребленіи разныя хитрости; напримѣръ: писались уроки мелкимъ почеркомъ на клочкахъ бумаги и когда учитель заставлялъ писать на доскѣ, то тайкомъ списывались съ бумажекъ; но это былъ самый простой способъ обманыванія: другіе были болѣе сложные и тонкіе; напримѣръ: писались уроки на подошвахъ и съ нихъ уже списывались на доски. Занимательно было смотрѣть, какъ иной кадетъ улавливалъ удобный моментъ, чтобы поднять ногу и прочитать, что слѣдовало ему писать; или писался урокъ на бумажкѣ, черезъ которую продѣвался шнурокъ; шнурокъ проходилъ подъ курткой отъ одной руки къ другой. Если учитель замѣчалъ, что кадетъ списывалъ урокъ, то, конечно, первымъ дѣломъ его было поймать плута на мѣстѣ преступленія, то есть схватить бумажку; но только что учитель протягивалъ для этой операціи руку, какъ кадетъ дергалъ правою рукою за шнурокъ и бумажка исчезала, и тутъ начинались божбы и клятвы, что никакой бумажки не было, что, молъ, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

Писались иногда уроки на краяхъ аспидной доски, которые потомъ и закрывались тщательно рамками. Когда, по неимѣнію мѣста на большихъ доскахъ, учитель заставлялъ писать на аспидныхъ, то рамки отодвигались и уроки списывались очень удобно. Много и другихъ хитростей было въ употребленіи. Не даромъ же одно изъ главныхъ свойствъ человѣческаго ума — изобрѣтательность!

При употребленіи такихъ способовъ получать хорошіе баллы и при недружелюбныхъ отношеніяхъ кадетъ къ учителямъ и учителей къ кадетамъ, конечно, не могло процвѣтать языкознаніе. И дѣйствительно, познанія воспитанниковъ въ языкахъ были крайне ограничены. Многіе, знавшіе языки дома, забывали ихъ въ корпусѣ; тѣ же, которые при поступленіи въ корпусъ не знали ихъ вовсе, и выходили изъ корпуса безъ знанія не только разговорнаго, но и книжнаго языка. А, между тѣмъ,

въ продолженіе семи или восьми лѣтъ, кадетъ училися языкамъ и учителя имѣли по двѣ лекціи въ недѣлю въ каждомъ классѣ!

Конечно, никто не станетъ отвергать огромной пользы, которую можетъ извлечь человѣкъ изъ знанія языковъ. При бѣдности нашей ученой литературы, молодой, любознательный офицеръ, не зная языковъ, можетъ встрѣтить неодолимые препятствія въ своихъ серьезныхъ умственныхъ занятіяхъ.

Не говоримъ уже о томъ, сколько молодой человѣкъ можетъ испытать разочарованій и досады въ нашемъ русскомъ обществѣ, говорящемъ на французскомъ языкѣ.

Этотъ пробѣлъ въ корпусномъ воспитаніи нельзя не признать важнымъ упущеніемъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже мною причинъ, препятствовавшихъ изученію языковъ, можно указать еще на слѣдующія: кадеты, знавшіе языки еще дома, никогда не говорили между собою ни по французски, ни по нѣмецки и, такимъ образомъ, мало по малу, забывали ихъ. Нѣкоторые учителя совершенно не знали русскаго языка, а потому не могли основательно изъяснять правилъ, и кадеты, не понимая многого, учили уроки наизусть, или, по кадетскому выраженію, въ долбяжку. Наконецъ, большая часть дежурныхъ офицеровъ не знали языковъ, а потому и не могли своимъ примѣромъ развить въ кадетахъ желаніе изучать языки и помогать имъ въ этомъ.

Изученіе математики, проходившейся въ корпусѣ въ весьма обширномъ объемѣ, шло неудовлетворительно. Математика считалась всегда самымъ труднымъ предметомъ; воображеніе многихъ воспитанниковъ до того было напугано одними названіями: тригонометрія, аналитика, механика и проч., что они заранѣе считали себя неспособными съ успѣхомъ слѣдить за курсомъ. Обыкновенно въ каждомъ классѣ было нѣсколько кадетъ-математиковъ, которые учились отлично; на обязанности этихъ кадетъ лежало готовить другихъ, менѣе способныхъ. вмѣсто того, чтобы самимъ дойти до рѣшенія какой нибудь задачи и чрезъ то вполне усвоить ее, кадеты прибѣгали къ болѣе легкому способу, состоявшему въ слѣдующемъ: за часъ до прихода учителя, кадеты-математики объясняли своимъ товарищамъ заданные уроки, толкуя одно и то же по три, по пяти разъ, пока не позапоминали ихъ самые тупые кадеты. Казалось, что способъ этотъ былъ очень удобенъ: вмѣсто того, чтобы самому два-три часа сидѣть и добиваться математическихъ истинъ,

гораздо выгоднѣе было получить ихъ готовыми. Но на дѣлѣ было не такъ! Пока кадеты были въ младшихъ классахъ, этотъ легкій способъ изученія математики удовлетворялъ ихъ, но по мѣрѣ перехода изъ класса въ классъ способъ этотъ оказывался болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Одной памяти было не достаточно, чтобы запомнить рѣшенія сложныхъ теоремъ и задачъ: необходимо было знать и предъидущіе математическіе курсы и имѣть достаточно развитый разумъ, а, между тѣмъ, не было ни того, ни другаго: старое такъ же легко забывалось, какъ и приобреталось, а разумъ, не привыкшій къ самодѣятельности, не въ состояніи былъ усвоивать себѣ сложныхъ математическихъ выводовъ. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторые воспитанники, при всемъ стараніи, не въ состояніи были слѣдить за предметомъ, оставались лишніе годы въ классѣ и, не кончивши курса, выходили изъ корпуса.

Въ дѣлѣ воспитанія чрезвычайно важную роль играетъ первоначальное направленіе, первый шагъ; какая нибудь, повидимому, ничтожная ошибка можетъ имѣть печальныя послѣдствія. Такъ придуманный кадетами легкій способъ изученія математики породилъ большое зло, сдѣлалъ многихъ неспособными слѣдить удовлетворительно за курсомъ.

Но кто же виноватъ въ этихъ ошибкахъ, въ этихъ заблужденіяхъ воспитанниковъ? Конечно, не сами воспитанники. Въ 12, 13 лѣтъ каждый скорѣе пойдетъ по проторенной дорожкѣ, нежели самъ станетъ прокладывать себѣ дорогу. Первые шаги кадета въ дѣлѣ умственныхъ занятій слѣдовало направлять опытнымъ наставникамъ, а въ нихъ-то и былъ недостатокъ. Учителю невозможно было, имѣя двѣ лекціи въ недѣлю, наблюдать за занятіями каждаго кадета: онъ довольствовался одними результатами, а какими путями доходили до этихъ результатовъ, не всякій учитель интересовался. Ротному командиру тоже невозможно было слѣдить за занятіями 120 кадетъ его роты, еслибъ онъ и имѣлъ достаточно для этого свѣдѣній и былъ преисполненъ самаго искренняго желанія быть полезнымъ кадетамъ. Остаются ротные офицеры. Но при ихъ служебныхъ занятіяхъ, весьма утомительныхъ, невозможно было требовать, чтобы они, сверхъ частыхъ дежурствъ и ежедневныхъ ученій, приходили еще по вечерамъ въ роты — слѣдить за классными занятіями кадетъ; притомъ же, весьма натурально, не всѣ офицеры могли

имѣть и достаточно научныхъ свѣдѣній и педагогической опытности для исполненія этой трудной обязанности.

Такимъ образомъ, кадеты, почти съ дѣтскихъ лѣтъ, въ отношеніи умственныхъ занятій были предоставлены самимъ собой, и весьма понятно, что они выбирали легчайшіе, хотя по послѣдствіямъ и весьма вредные, способы приготовленія своихъ уроковъ. Исторія была самымъ любимымъ предметомъ кадетъ, но, къ сожалѣнію, и она проходила далеко не удовлетворительно. Изъ этого интереснаго предмета, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ, способствующаго къ развитію сознанія въ человѣкѣ, дѣлали сухой перечень событій, изъ которыхъ весьма многіе не имѣли никакого важнаго значенія въ развитіи человѣчества. Годы и даже мѣсяцы разныхъ ничтожныхъ битвъ страшно обременяли память, нисколько ни давая, въ то же время, пищи ни уму, ни воображенію; годы эти скоро забывались, а, между тѣмъ, на заучиваніе ихъ требовалось много времени. Исторія проходила безъ пособія картъ, а при такомъ способѣ надолго ли могли оставаться въ памяти разныя событія? Была ли, напримѣръ, какая нибудь возможность удержать надолго въ памяти хотя «переселеніе народовъ», если это важное историческое событіе проходило безъ картъ.

Въ исторіи Греціи наше вниманіе обращено было преимущественно на внѣшнія и междоусобныя войны, а нравы и обычаи Грековъ, ихъ міеологія и литература, выражающія духъ народа, для насъ оставались чуждыми. Изъ римской исторіи мы очень твердо помнили и краснорѣчиво рассказывали, какъ волчица кормила Ромула и Рема, какъ Нума Помпилій ходилъ въ лѣсъ бесѣдовать съ нимфой Эгеріей и т. п. Жизнь же римскаго народа, его литература, вѣрованія, борьба партій, причины быстрого возвышенія Рима и постепеннаго его паденія были разъяснены намъ поверхностно, слабо.

То же самое можно сказать и о прохожденіи средней и новой исторіи. И это не потому, чтобы не было у насъ хорошихъ учителей; напротивъ, можно съ благодарностію вспомнить объ учителяхъ, читавшихъ исторію въ старшихъ классахъ, но они были стѣснены слишкомъ подробными программами и недостаткомъ времени. Кадетскій учебный курсъ продолжался съ небольшимъ 8 мѣсяцевъ, слѣдовательно по двѣ лекціи въ недѣлю составитъ 64 лекціи; исключивъ же изъ этого числа разные праздники, болѣзнь учителя и т. п., останется лекцій 50 или

около этого; изъ этихъ немногихъ лекцій половина проходила въ спрашиваніи уроковъ, затѣмъ собственно для чтеній оставалось около 25—30 лекцій.

Географію проходили очень подробно, но, къ сожалѣнію, подробности эти не приносили существенной пользы. Кадеты обременяли свою память заучиваніемъ городовъ, изъ которыхъ многіе не имѣютъ никакого значенія ни въ промышленномъ, ни въ торговомъ отношеніи. Задавались уроки по книгѣ, часто по просту, отъ точки до точки. Учителя не давали себѣ труда подробно знакомить кадетъ съ естественными произведеніями страны, съ ея промышленностію и торговлею. На черченіе географическихъ картъ, столь облегчающее изученіе предмета, не было обращено должнаго вниманія, и многіе кадеты, преспокойно, пользуясь невниманіемъ учителя, счерчивали карты съ заранее приготовленныхъ записочекъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ классахъ французскаго и нѣмецкаго учителей. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ классѣ, у учителя М*. Отвѣты приготовлялись по географіи Соколовскаго и часто состояли только въ переключкѣ городовъ: на примѣръ, городъ N лежитъ на такой-то рѣкѣ, столько-то жителей, отличается чистотою улицъ и красивыми домами. Какое же значеніе имѣло для развитія воспитанника заучиваніе сотенъ подобныхъ городовъ!

Вообще изъ географіи, предмета въ высшей степени занимательнаго и заключающаго въ себѣ такъ много матеріаловъ для обогащенія ума учащихся, сдѣлали предметъ чрезвычайно трудный и какой-то безжизненный.

Введеніе въ словесность: логика, психологія и реторика, всѣ вмѣстѣ, составляли тетрадь листовъ въ шесть. Конечно, кадеты безъ большаго труда могли выучить эти записки, но много ли было пользы въ этомъ знаніи? Учитель могъ бы, не ограничиваясь тѣсной рамкой программы, придать своему предмету и интересъ и жизнь; но для этого необходимо, чтобы онъ былъ проникнутъ любовію къ своему дѣлу и желаніемъ принести воспитанникамъ существенную пользу. Къ сожалѣнію, нашъ учитель П*, прекрасно читавшій «Тараса Бульбу» и «Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», по малороссійской своей природѣ былъ очень лѣнивъ. Постояннымъ его желаніемъ было, чтобы въ классахъ, вмѣсто жесткихъ стульевъ, устроены были мягкія кушетки, чтобы можно было иногда и повѣжиться, и вздремнуть. При такихъ сонныхъ наклонностяхъ учителя и въ

насъ не было пробуждено желанія учиться, а потому и познанія наши въ словесности были очень ограниченны.

Вѣчная, глубокая благодарность учителямъ, добросовѣстно и честно исполнившимъ свой долгъ, щедрою рукою бросавшимъ въ воспріимчивый умъ кадета свои знанія; но вѣчный упрекъ тѣмъ учителямъ, которые исполняли свои обязанности, какъ исполняютъ иногда работу поденщикъ, думая только о томъ, чтобы получить поденную плату, а хорошо ли, дурно сдѣлана работа, ему все равно.

Былъ у насъ учитель естественной исторіи А*. Кадеты его очень любили; да и какъ было не любить, когда можно было ничего не дѣлать! Часы обыкновенно проходили въ разныхъ разсказахъ, не идущихъ къ дѣлу, и конецъ концовъ былъ тотъ, что къ концу курса кадеты почти ничего не знали. Но вотъ настаетъ экзаменъ. Какъ тутъ быть? Очень просто: приготовлялись огромной величины билеты, такъ хорошо составленные, что въ вопросахъ заключались и отвѣты, или шли въ дѣло, такъ называемые, подмѣнные билеты, т. е. данный билетъ обмѣнивался на другой, заранѣе выученный кадетомъ и положенный подъ папку, на которой нарисованы были разные звѣри: львы, тигры, леопарды и т. п.

Прискорбно вспомнить о такомъ грустномъ фактѣ. И неужели учитель съ спокойной совѣстью могъ довольствоваться дѣтской любовью кадетъ? Неужели не приходило ему въ голову, что тотъ же самый кадетъ, сдѣлавшись взрослымъ и сознавши пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ, жестоко попрекнетъ и осудитъ его?

Тактику читалъ у насъ К*. Нельзя не пожалѣть, что предметъ этотъ, столь необходимый для военнаго челоука, проходилъ далеко неудовлетворительно. К* читалъ почти слово въ слово по книгѣ: ни критическаго взгляда на военныя событія, ни интересныхъ разсказовъ, которые такъ сильно дѣйствуютъ на молодое воображеніе. Нужно было большое усиліе, чтобы заставить себя, хотя по наружности, бодрствовать при монотонномъ, какомъ-то безжизненномъ чтеніи К*. Не проходило лекціи, чтобы К* не обратился къ кому нибудь изъ спящихъ кадетъ съ вопросомъ: «г. N, на чемъ я остановился?» Получивъ отвѣтъ набумъ и назвавци за это воспитанника «вандаломъ», онъ продолжалъ читать тѣмъ же однообразнымъ, усыпляющимъ голосомъ. На вопросъ одного кадета: «кто выше,

какъ полководецъ, Кутузовъ или Барклай де-Толли?» К* отвѣчалъ: «не наше дѣло объ этомъ разсуждать!» И дѣйствительно, никто не разсуждалъ: ни К*, читая лекціи по книгѣ, ни кадеты, заучивая уроки по книгѣ. По приходѣ въ классъ, К* обыкновенно спрашивалъ: «на какомъ параграфѣ я остановился?» и, получивъ отвѣтъ: «на такомъ-то», продолжалъ читать какъ заведенная машина.

Фортификацію читалъ З*. Онъ съ любовію занимался своимъ предметомъ и прекрасно зналъ его, но, къ сожалѣнію, забывалъ, что кромѣ фортификаціи кадеты должны были изучать десять другихъ предметовъ, а потому не было для нихъ никакой возможности запомнить всѣ мелочи, которыми были наполнены его записки. Никакая память не въ состояніи была удержать подробности всякой системы: размѣры рововъ, брустверовъ и т. п. Даже самъ З*, во время чтенія, говоря о размѣрахъ какихъ нибудь укрѣпленій, прибѣгалъ къ заранѣ составленной запискѣ, а, между тѣмъ, требовалъ, чтобы кадеты непременно знали всѣ размѣры и красиво, отчетливо чертили планы. Откуда же кадетамъ было взять время для исполненія такихъ педантическихъ требованій? Да и приносили ли эти скоро забывающіяся знанія существенную пользу? Если бы фортификація читалась такъ подробно кадетамъ, предназначаемымъ въ саперы, то это было бы еще понятно, а то обыкновенно изъ класса выходило въ саперы одинъ, два воспитанника, а случалось, что не выходило и ни одного; слѣдовательно, всѣ мелочныя подробности заучивались будущими пѣхотными и артиллерійскими офицерами, которые, не имѣя случаевъ примѣнять ихъ на службѣ, скоро совершенно забывали.

Топографію читалъ П*. Но, виноватъ, ошибся: П* не читалъ своего предмета, а разсказывалъ намъ разныя побасенки, такъ что когда началась съемка, то мы положительно не знали даже названія инструментовъ. А, между тѣмъ, топографія одинъ изъ необходимыхъ предметовъ для каждаго офицера!

Но, вспоминая съ прискорбнымъ чувствомъ о нѣкоторыхъ учителяхъ, не вполне добросовѣстно исполнявшихъ свой долгъ, мы съ глубокою благодарностію вспоминаемъ объ учителяхъ, смотрѣвшихъ серьезно и честно на свои высокія обязанности.

Такъ учителя минералогіи, химіи, механики читали прекрасно свои предметы, и если не всѣ кадеты вполне усвоили ихъ, то это уже не вина учителей. Недостатокъ времени, не-

достатокъ предварительной подготовки были главной причиною, что нѣкоторые воспитанники, при всемъ желаніи, не могли съ успѣхомъ слѣдить за курсомъ.

Учитель фижки, корпусный полковникъ Инглисъ, съ удивительнымъ усердіемъ и любовью занимался своимъ предметомъ. Не было примѣра, чтобы Инглисъ не пришелъ въ классъ или опоздалъ нѣсколькими минутами; напротивъ, онъ всегда старался прійти въ классъ раньше, чтобы выиграть время. Кадетамъ, конечно, это очень не нравилось. Предметъ свой Инглисъ читалъ чрезвычайно ясно и вразумительно, такъ что, кажется, невозможно было не понять его. Будучи военнымъ человекомъ и притомъ очень пожилымъ, лѣтъ семидесяти, онъ ввелъ въ своихъ классахъ строгую дисциплину: старшій долженъ былъ подходить къ нему съ рапортомъ по всемъ правиламъ рекрутской школы. Если кадетъ, чертя на доскѣ какую нибудь фигуру, сломаетъ мѣлъ — бѣда! Инглисъ страшно раскричится и даже поставитъ дурные баллы. Живя самъ очень расчетливо, онъ и кадетъ приучалъ къ экономіи. Ничѣмъ нельзя было болѣе угодить Инглису, какъ при отвѣтѣ урока упомянуть что нибудь объ экономіи, дешевизнѣ, и если кадетъ попадалъ впопалъ, что случалось, впрочемъ, не часто, то Инглисъ обыкновенно говорилъ: «да, да, это видно, что ты понимаешь, ступай, садись», и ставилъ хорошіе баллы. Кадеты очень боялись Инглиса и многіе не любили его, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и исполнялъ добросовѣстно свое дѣло.

И что же? кадетскіе годы, годы увлеченій и ложныхъ симпатій прошли; настало время расчета, повѣрки своихъ умственныхъ занятій, и—увы!—многіе изъ прежнихъ кумировъ съ негодованиемъ сброшены съ своихъ пьедесталовъ, а старикъ Инглисъ занимаетъ почетное мѣсто въ воспоминаніи каждаго изъ своихъ учениковъ!

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о другѣ-учителѣ А. А. К*. При одномъ воспоминаніи объ этой свѣтлой, благородной личности, какое-то радостное, восторженное чувство проникаетъ въ душу. Сколько разъ случалось мнѣ встрѣчать офицеровъ, давно уже оставившихъ корпусъ, но которые всегда съ глубокимъ уваженіемъ и любовью вспоминали о К*.

К* читалъ въ первомъ спеціальному классѣ эстетику, а во второмъ литературу. Съ какимъ, бывало, нетерпѣніемъ ждемъ мы прихода К* въ классъ! Заранѣе два, три кадета отправа-

лись въ швейцарскую узнать, пріѣхалъ ли К*, и, удостовѣрившись, что онъ въ учительской комнатѣ, бѣжали обрадовать своихъ товарищей. Въ классѣ начиналась суета, всѣ лишнія записки прятались, даже камчатка — такъ называлась у насъ задняя скамейка, на которой сидѣли лѣнвивые кадеты — приводила все въ порядокъ, чтобы не производить шума и не развлекаться. Но вотъ входитъ К*, всѣ встрѣчаютъ его съ радостію, водворяется тишина, и онъ начинаетъ свою бесѣду. И Боже сохрани, если ктонибудь изъ кадетъ нарушалъ тишину!

Что-то было въ высшей степени симпатичное во всей личности К*! Кадеты любили его, чувствовали къ нему глубокое уваженіе и вѣрили каждому его слову. И К* съ своей стороны смотрѣлъ на кадетъ не какъ на дѣтей, но какъ на молодыхъ людей, готовыхъ вступить на дѣйствительную службу, на борьбу съ жизнію, а потому и бесѣды свои не ограничивалъ перечисленіемъ послужныхъ списковъ нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, а говорилъ обо всемъ, что только могло развить въ воспитанникахъ любовь къ истинѣ, добру и красотѣ. Иногда, въ продолженіе всей своей лекціи, К* говорилъ о Греціи, о ея богахъ, поэтахъ, философахъ, — и представлялся намъ ясно греческій міръ, съ его поэтической мифологіей, съ его философскими школами, съ его жизнію на площадяхъ! Говорилъ ли К* объ искусствахъ, воображенію нашему представлялись и дивно-художественныя статуи Греціи, и колоссальныя зданія Рима, и картины Рафаэля, Корреджіо, Доменикино, Микель-Анджело и храмъ св. Петра и Павла, и готическіе храмы среднихъ вѣковъ! И какимъ-то поэтическимъ колоритомъ освѣщалась вся жизнь прошедшихъ вѣковъ! Говорилъ ли К* о человѣкѣ, о его назначеніи, объ обязанностяхъ его какъ гражданина, сколько великихъ именъ и великихъ примѣровъ являлось передъ нами! Мало развитый умъ нашъ освѣщался новымъ свѣтомъ и въ душу глубоко западали идеи истины и добра! И какъ краснорѣчиво, какъ вдохновенно говорилъ К*! Долго, бывало, послѣ его бесѣды ходишь по ротному корридору и думаешь обо всемъ слышанномъ, — и хотѣлось бы все это усвоить себѣ, обратить въ плоть и кровь, сдѣлать своею неотъемлемою собственностію. И какъ было не дорожить намъ лекціями К*! Каждая изъ нихъ обогащала нашъ умъ новыми мыслями, новыми идеями! И дѣйствительно, какая-то невольная тоска овладѣвала кадетами при думствіи, что К* не будетъ въ классѣ; ничѣмъ не хотѣлось за-

няться, каждый какъ будто бы сознавалъ, что онъ много те-
рять для своего развитія.

К* давалъ намъ темы для сочиненій, но темы не въ родѣ: «прогулки по саду» или «встрѣчи новаго года», а серьезныя, дававшія пищу и уму, и воображенію; чтобы написать сочиненіе, необходимо было припомнить многое изъ пройденнаго. И писались эти сочиненія охотно, проходили дни и недѣли въ этой работѣ, каждому хотѣлось заслужить одобреніе К*.

Кадетамъ, остававшимся на продолжительные праздники въ корпусѣ, К* присылалъ разныя книги: романы Вальтеръ-Скотта, Купера и др.

Кто испыталъ на себѣ, что значить оставаться въ корпусѣ во время большихъ праздниковъ, тотъ пойметъ, какое удовольствіе доставлялъ намъ К* присылкою книгъ. Напримѣръ, на праздникъ Рождества Христова, кадеты отпускались домой дней на семь и болѣе; въ ротѣ изъ 120 кадетъ оставалось 25, 30. И безъ того довольно холодные и непривѣтливые, ротные зала и корридоръ становились еще холоднѣе и мрачнѣе. Обычныхъ классныхъ занятій нѣтъ: ходишь, бывало, по корридору и не знаешь, какъ разсѣять свою тоску. И вдругъ получаешь «Айвенго» или «Путеводитель въ пустынь». Съ какою невыразимою радостію бросаешься за книгу, забываешь все окружающее, переносишься своимъ воображеніемъ въ жизнь среднихъ вѣковъ или въ американскія лѣса и степи, и весело, счастливо проводишь праздники. Иногда К* читалъ намъ повѣсти Гоголя, поэмы Пушкина, и какъ хорошо читалъ онъ! Разъ К* пришелъ въ классъ и началъ читать недавно найденное, превосходное стихотвореніе Лермонтова «Пророкъ». Прочитавши его съ глубокимъ чувствомъ, онъ сказалъ: «какого мы поэта лишились, господа!» и глаза его наполнились слезами! Да, это былъ учитель въ святомъ, великомъ значеніи слова!

Описавъ, на сколько можно было припомнить, умственную дѣятельность кадетъ, какой же мы сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго?

Но, кажется, результатъ ясенъ самъ собой: умственное развитіе кадетъ было весьма ограничено; учились многому, но мало что вполне усвоивали себѣ. Какія же были этому причины? При описаніи проходимыхъ нами предметовъ, мы уже имѣли случай замѣтить, почему нѣкоторыя науки читались неудовлетворительно: недостатокъ времени, невниманіе къ своему дѣлу

нѣкоторыхъ учителей, недостатокъ въ наставникахъ, которые могли бы помогать кадетамъ въ приготовленіи ими уроковъ, особливо въ младшихъ ротахъ, не вполне основательно составленныя программы и наконецъ слишкомъ большое число разнообразныхъ предметовъ, проходившихся въ одномъ и томъ же классѣ. Вотъ, по нашему убѣжденію, главныя причины, не благопріятствовавшія приобрѣтенію кадетами основательныхъ научныхъ познаній.

Даже военныя науки, спеціальность офицера, не были пройдены вполне основательно. Въ тѣхъ же классахъ, въ которыхъ читали тактику, артиллерію и фортификацію, проходили и статистику, и химію, и механику, и законовѣдѣніе, и исторію, и языки. Какая же была возможность въ два-три часа свободного времени приготовить четыре урока изъ предметовъ, нерѣдко совершенно противоположныхъ по своему содержанію? А, между тѣмъ, всѣ эти предметы имѣли одинаковое вліяніе на судьбу кадета: неудовлетворительныя баллы изъ статистики или изъ законовѣдѣнія имѣли результатомъ, что кадета выпускали въ офицеры въ армію, вмѣсто артиллеріи или гвардіи; слѣдовательно необходимо было одинаково хорошо учиться изъ всѣхъ предметовъ: умъ слишкомъ разбрасывался, дѣлалъ громадные скачки отъ одной науки къ другой, могъ, конечно, поспѣвать всюду, но результаты были поверхностныя, неосновательныя. Да и возможно ли предположить, чтобы кадета имѣлъ одинаковыя способности и къ математикѣ, и къ военнымъ наукамъ, и къ политическимъ, и наконецъ къ языкамъ! Но за то и бывали такіе, напримѣръ, случаи: воспитанникъ во всѣхъ классахъ учится отлично, вездѣ получаетъ подарки, слѣдовательно долженъ былъ постоянно имѣть хорошія баллы и въ языкахъ; какъ отличнаго по всѣмъ предметамъ ученика, его выпускаютъ въ гвардію,—и что же? произведенный офицеръ, учившійся восемь лѣтъ языкамъ и получавшій постоянно хорошія баллы, не въ состояніи былъ, даже съ помощію лекціонера, прочитать нѣсколько страничекъ самой пустой книжонки на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ!

Не могу при этомъ не припомнить слѣдующаго занимательнаго и вмѣстѣ грустнаго факта. Въ выпускномъ классѣ проходила французская и нѣмецкая литература. Обѣ литературы умѣщались въ тетрадкахъ, листа по три каждая. Но сколько было великихъ именъ въ этихъ тощихъ тетрадкахъ! и Кор-

шель, и Расинъ, и Буало, и Лафонтенъ, и Мольеръ, и Лес-сингъ, и Виландъ, и Шиллеръ, и Гете! И воспитанники, до того мало приготовленные, что съ трудомъ могли переводить съ французскаго или нѣмецкаго языка на русскій, должны были изучать творенія всѣхъ этихъ поэтовъ, изложенныхъ, конечно, самымъ лаконическимъ образомъ! Теперь смѣшно вспомнить, какъ, иногда, кадетъ по цѣлымъ часамъ заучивалъ нѣсколько строчекъ о Корнелѣ или о Гете и, конечно, достигалъ цѣли, т. е. могъ не запинаясь проговорить выученное наизусть. Но была ли въ томъ какая нибудь польза? Возможно ли было, характеризуя въ нѣсколькихъ строкахъ литературную дѣятельность великаго поэта, познакомить ученика съ его твореніями? Не было ли все это толченіемъ воды въ ступѣ, переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее? И вотъ какъ, иногда, непроизводительно употреблялся трудъ кадета! и это въ ущербъ успѣшному прохожденію другихъ наукъ! Сколько разъ случалось, что какой нибудь неопытный экзаменаторъ, слушая воспитанника, бойко рассказывающаго о комедіяхъ Мольера или драмахъ Шиллера, и принимая все это за чистую монету, начиналъ говорить съ нимъ на языкѣ этихъ писателей, и кадетъ не только что не въ состояніи былъ отвѣчать, но часто и не понималъ о чемъ его спрашивали. А, между тѣмъ, сколько потрачено труда и времени для этой египетской работы!

Указавъ на большое число разнообразныхъ предметовъ, проходившихся въ одномъ и томъ же классѣ, какъ на одну изъ причинъ, не благопріятствовавшихъ приобрѣтенію кадетами основательныхъ научныхъ познаній, мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы не признавать пользы всѣхъ читавшихся въ корпусѣ наукъ. Напротивъ, въ нашихъ «замѣткахъ» выражено глубокое сожалѣніе, что не всѣ предметы были пройдены вполне основательно. Но, тѣмъ не менѣе, какъ фактъ, замѣтка наша, кажется, справедлива. Говоря о томъ, что въ специальныхъ классахъ всѣ науки имѣли одинаковое право гражданственности, мы отнюдь не думали умалять значеніе какой нибудь науки: мы желали только заявить фактъ, что названіе специальныхъ классовъ не оправдывалось на дѣлѣ, такъ какъ познанія, приобрѣтавшіяся кадетами, были болѣе энциклопедическія, нежели спеціальныя.

Экзамены производились у насъ два раза въ годъ: полугодные передъ праздникомъ Рождества Христова и годовые по

оповѣщеніи курса: въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ; первые не имѣли большого вліянія на судьбу кадета: они производились больше для того, чтобы повторить все пройденное, и неудовлетворительные баллы сокращали только срокъ отпуска; но годовые экзамены рѣшали важный вопросъ: переводъ изъ класса въ классъ.

Въ младшихъ классахъ экзамены производились въ присутствіи помощника инспектора классовъ, а иногда и инспектора, и одного или двухъ приглашенныхъ учителей. Предметъ, согласно программы, раздѣлялся на билеты, и каждому вызванному кадету давали билетъ, на который онъ и долженъ былъ отвѣчать. Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ, иногда, злоупотребляли кадеты этимъ способомъ повѣрки ихъ знаній; но, конечно, это было исключеніе; допустимъ, что всѣ кадеты дѣйствительно отвѣчали на данный билетъ и что отвѣты ихъ были вполне удовлетворительны, то и при этомъ условіи имѣли ли экзаменаторы достаточно основанія, чтобы прійти къ заключенію, что кадеты дѣйствительно знаютъ хорошо предметъ? Намъ кажется, что нѣтъ. Имѣя два-три дня для приготовленія къ экзамену изъ какого нибудь предмета, кадеты могутъ, хотя и съ большимъ усиленіемъ, приготовить всѣ билеты и, благодаря свѣжей памяти, отвѣчать удовлетворительно на вопросы билета. Но это еще не есть доказательство, что предметъ вполне ими усвоенъ и они сознательно поняли его. Вообще этотъ способъ экзамена, по билетамъ, намъ кажется, не можетъ дать полнаго убѣжденія въ достаточномъ знаніи кадетами предмета и въ надлежащей степени ихъ развитія.

На экзаменахъ въ старшихъ классахъ, кромѣ инспектора и учителей, присутствовалъ и директоръ, а иногда пріѣзжалъ и начальникъ штаба и приглашались извѣстные ученые, спеціально занимающіеся тѣмъ предметомъ, изъ котораго производится экзаменъ.

Экзамены обыкновенно продолжались 3 — 4 часа, и въ это время нужно было спросить по билетамъ 30 и болѣе кадетъ, слѣдовательно на каждаго воспитанника приходилось среднимъ числомъ 7—8 минутъ—срокъ слишкомъ недостаточный, чтобы бесѣдой съ кадетомъ о предметѣ убѣдиться въ степени его познаній и развитія.

Кромѣ экзаменовъ частныхъ, особо въ каждомъ корпусѣ, въ послѣднее время, для выпускныхъ кадетъ, были введены экзамены общіе, такъ называемые сравнительные, Всѣ проходимые,

во второмъ спеціальному классу предметы раздѣлялись на четыре категоріи: языки, науки: военныя, политическія и физико-математическія; экзаменъ производился въ одно время изъ 3—4 предметовъ, входящихъ въ одну изъ категорій.

Экзамены эти сопровождались нѣкоторою торжественностію: въ залѣ Дворянскаго полка собирались изъ всѣхъ корпусовъ воспитанники 2-го спеціального класса; на стѣнахъ развѣшивались фортификаціонныя и артиллерійскіе чертежи; кромѣ корпуснаго начальства присутствовали на экзаменахъ члены совѣта военно-учебныхъ заведеній и многія лица, извѣстныя въ нашемъ ученюмъ и литературномъ мѣрѣ. Судей было много и приговоръ ихъ былъ страшенъ для кадетъ. Но такъ какъ вызывали только отличныхъ учениковъ, то и экзамены эти оканчивались не только удовлетворительно, но даже блистательно. На сколько въ этомъ блескѣ было истиннаго золота и на сколько мишуры, я не берусь рѣшить; замѣчу только, что нерѣдко воспитанникъ, не бравшій никогда кисти въ руки и плохо чертившій, увидавши свою подпись на артиллерійскомъ или фортификаціонномъ чертежѣ, превосходно иллюминированномъ, лукаво улыбался и спрашивалъ: «откуда мнѣ сіе?»

Время между окончаніемъ экзаменовъ и выпускомъ самое счастливое для кадетъ. Конецъ учению, а тамъ, въ близкой перспективѣ, офицерскіе эпюлеты, а вмѣстѣ съ ними и свобода. Свобода! сколько упительнаго въ этомъ словѣ для кадетъ! Но—увы! — недолго продолжалось для насъ это очарованіе! Быстро прошли полтора мѣсяца лагернаго времени и незамѣтно приблизилось время присяги.

По приходѣ кадетъ изъ лагеря, баталіонный командиръ К* вызвалъ выпускныхъ и приказалъ намъ идти въ особый флигель, совершенно отдѣльный отъ корпуса. Этой минуты я никогда не забуду: болѣзненно сжалось сердце, какъ будто бы что-то родное оторвалось отъ него. Началось обмундированіе: хлопоты, суета. Нѣкоторымъ кадетамъ прислали изъ дому денегъ, и они на третій, на четвертый день надѣли офицерскіе мундиры; другимъ ничего не прислали, и они должны были двѣ недѣли и болѣе дожидаться казеннаго платья, и въ то время, когда ихъ счастливые товарищи развѣзжали въ эпюлетахъ, она ходили пѣшкомъ въ кадетскомъ мундирѣ. У однихъ были въ Петербургѣ маменьки, тетушки, у другихъ никого, хоть шаромъ покати; нужно было самимъ обо всемъ хлопотать, дѣлать закупи, а

денегъ мало, опытности еще меньше. Бѣдный, благородный А. И. разрывался на части, чтобы сберечь прапорщичій грошъ; но не могъ же онъ купить каждому всѣ необходимыя ему мелочи. И вотъ тутъ-то увидѣли многіе изъ насъ, что свобода не такъ привлекательна, какъ рисовало ее наше молодое, пылкое воображеніе!

Но наконецъ всѣ кое-какъ снарядились и въ назначенный день, въ полной парадной формѣ, явились въ церковь для принесенія присяги. Кромѣ выпускныхъ были и остальные кадеты. По приѣздѣ начальника штаба и нѣкоторыхъ другихъ почетныхъ лицъ, началась обѣдня. Священникъ сказалъ проповѣдь, въ которой объяснилъ настоящее наше призваніе и путь добра и правды, по которому мы должны слѣдовать въ жизни. По окончаніи проповѣди, вынесли на средину церкви наложь, съ положенными на неѣ крестомъ и евангеліемъ. Священникъ громко произнесъ слова присяги и пригласилъ насъ цѣловать крестъ и евангеліе. По окончаніи присяги, какъ юные прапорщики, такъ и кадеты, при звукахъ музыки, отправились въ музеумъ. Директоръ Б* прочелъ, не помню, какой-то актъ, кажется отчетъ о корпусѣ, и громко произнесъ фамилію прапорщика В*, удостоеннаго помѣщенія на мраморную доску. Потомъ началась раздача призовъ; при вызовѣ каждаго офицера и кадета музыка играла тушъ. При этой церемоніи присутствовалъ всѣмъ намъ знакомый Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Кадеты съ любовью и глубокимъ уваженіемъ смотрѣли на знаменитаго старца (*). По окончаніи раздачи призовъ, всѣ отправились въ столовую залу обѣдать.

Итакъ, кончилась наша корпусная жизнь! Но нѣтъ, виноватъ: она еще не окончилась: еще нужно было проститься съ корпусомъ. Каждый день можно было видѣть молодыхъ офицеровъ, дружно обнявшихся съ кадетами, ходившихъ, съ заплаканными глазами, по ротному корридору, рекреационнымъ заламъ, по каморамъ. Но вотъ наставалъ день отъѣзда: кому на Кавказъ, кому въ Польшу, въ Сибирь,—и тутъ-то приходилось мнѣ видѣть самыя искреннія слезы, слезы навзрыдъ! Мнѣ кажется, съ родною матерью невозможно съ большею скорбью разставаться, какъ

(*) Мы считали Ивана Андреевича знакомымъ человѣкомъ не потому только, что знали множество его басенъ, но еще и по другой причинѣ: всякій разъ, когда мы ходили на ученье въ 1-й кадетскій корпусъ, то проходили мимо дома, въ которомъ жилъ Иванъ Андреевичъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть у раскрытаго окна, въ калатъ, съ обнаженной грудью; кадеты кланялись ему, и онъ всегда пріятливо улыбкой отвѣчалъ на поклонъ.

многіе кадеты разставались съ корпусомъ. И эта любовь къ корпусу не была эфемернымъ чувствомъ, пробудившимся только въ моментъ разлуки; нѣтъ, она оставалась навсегда, на всю жизнь. Изъ какой бы дали ни пріѣхалъ офицеръ, бывшій воспитанникъ 2-го корпуса, въ Петербургъ, его такъ и манить на Петербургскую сторону, посмотрѣть на зданіе, въ которомъ провелъ онъ свою юность: все такъ ли же въ немъ, какъ было въ его время. И я не помню, чтобы кто нибудь относился съ враждебнымъ чувствомъ къ корпусу; напротивъ, въ воспоминаніяхъ офицеровъ преобладаетъ любовь къ корпусу, какое-то родственное къ нему чувство.

Чѣмъ же объяснить эту горячую любовь къ корпусу? Вѣдь было же въ корпусѣ кое-что и дурное, что я и не скрылъ въ своихъ замѣткахъ о корпусной жизни. Вѣдь многіе же изъ выпущенныхъ офицеровъ сознавали, что кое-чему они и не доучились и выпущены были на бѣлый свѣтъ не въ полномъ вооруженіи для борьбы съ жизнью. Отчего же являлась эта горячая привязанность къ корпусу, эта неразрывная съ нимъ связь на всю жизнь? И отчего, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ такой братской любви другъ къ другу и привязанности къ корпусу между офицерами выпущенными изъ другихъ корпусовъ? А Богъ знаетъ отчего! Можетъ быть, двѣ, три такія личности, какъ А. И. С* и А. А. К*, заслонили своимъ свѣтомъ темную сторону корпусной жизни и навсегда примирили съ нею бывшихъ воспитанниковъ.

Пожелаемъ же горячо, отъ всей души пожелаемъ кадетамъ 2-го корпуса великаго счастья: имѣть въ числѣ своихъ начальниковъ и учителей больше, какъ можно больше, такихъ честныхъ, благородныхъ и высоко-гуманныхъ дѣятелей, какими были въ наше время Андрей Ивановичъ Сологубъ и Александръ Александровичъ Комаровъ.

16 октября 1881 года.

Ш. Л.